

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 36—37 1949

В. А. ДЕГТЯРЕВ

**М О Я
Ж И З Н Ь**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

В. А. ДЕГТЯРЕВ,
Герой Социалистического Труда

МОЯ ЖИЗНЬ

Издательство «ПРАВДА»
Москва — 1949

ОГЛАВЛЕНИЕ

Первый учитель	3
Прощай детство!	7
«Шарманка». «Тихоход».	11
Первое изобретение	16
В солдатах	17
Первые русские пулеметчики	21
Встреча с Браунингом	22
Я остаюсь в Ораниенбауме	25
Учитель и друг	26
Мы делаем автомат	31
В Сестрорецке	32
Прерванная работа	36
Великие дни	39
В солдатской теплушке	41
У М. В. Фрунзе	43
Первый дебют	45
Поиски лучшего	48
Ускоренная съемка	51
Не покладая рук	53
Задание вождя	55
Я вступаю в партию	58
Враг не пройдет!	60
Все для фронта!	61
Творцы боевого оружия	64
Подарки народа	68
Мечты о будущем	70

Редактор — **А. СУРКОВ.**

А — 09536. Тираж 150 000. Подп. к печати 26/VIII — 49 г. Зак. 1884.

Типогр. газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Первый учитель

Деда моего звали Николаем Мироновичем. А соседи и родичи величали его попросту «Мироныч».

Я помню его уже глубоким стариком с большой сивой бородой и густыми, нависшими бровями.

Невысокий, но прямой станом, широкий в плечах и проворный в движениях, дед выглядел молодцевато и до последних дней не оставлял своей тяжелой, но любимой им кузнечной работы.

Жили мы в Туле, старинном русском городе, славившемся знаменитыми оружейными мастерами. Небольшой покосившийся домик деда стоял на узкой грязной улочке в Заречье, рабочей окраине города. Улочка эта носила громкое, даже пышно название: Нижнемиллионная.

Двор дедовского дома, узкий, как улица, спускался к реке. Строений в нем почти не было, если не считать сарая да крохотной кузни. Дед очень любил деревья и цветы. Весной наш маленький дворик превращался в настоящий сад: цвели яблони, вишни и черемуха, а поближе к окнам дед разбил небольшую клумбу и каждый год высаживал на ней цветы.

От деда я и унаследовал любовь к природе, привычку в ранние утренние часы копаться в саду, который я позднее засадил у себя и вырастил. Как-то очень хорошо думается в эти часы, когда окапываешь деревья, обрезаешь увядшие ветви или поливаешь цветы! А какая радость наблюдать первое плодоношение посаженного тобой деревца! Вот оно, создание твоих рук!

В дедушкину кузню я заглядывал часто. Встану у двери и, открыв рот, любуясь огненными искрами, смотрю, как дед кует железо.

Однажды дед поднял меня огромными опаленными руками и посадил на верстак, подальше от горна.

— Вот сиди тут и гляди, примечай, что к чему.

Вечерами, после работы на заводе, деду помогал мой отец. Они ковали в три руки: отец — кувалдой, а дед — молотом.

Я любил слушать звонкую музыку кузнечной работы. Глядя на пышущие жаром искры, я мечтал: «Вырасту, буду таким же ловким и сильным кузнецом!»

— Ну, что мы будем делать с тобой, Васютка? — спросил как-то дед. — Уж больно ты мал!

— Это ничего, зато все мальчишки меня боятся: я сильный!

Дед рассмеялся:

— Ну-ка, хватайся за шест, будешь качать кузнечные мехи.

Я подтянулся, схватился за шест, но сейчас же его выпустил.

Дед рассмеялся.

— Куда там, ты, брат, совсем карапуз!

— Дедушка, а ты веревку-то к шесту привяжи, а я за нее буду дергать.

— Ишь, что придумал!

Это было мое первое «рационализаторское» предложение. Дед сделал на конце шеста ременную петлю и подал мне:

— Пробуй!

Пыжась изо всех сил, я стал раскачивать кузнечные мехи.

— Что же, пожалуй, годится, — одобрительно сказал дед, — зачислим тебя в помощники.

С этого дня я стал пропадать в дедовой кузне. Старательно помогал деду и даже удостоивался похвал.

Из кузни я приходил усталый и вымазанный, как трубочист. Бабушка Александра Васильевна вначале смотрела на мое увлечение, как на случайную забаву, но, поняв, что дело это серьезное, стала журить и меня и деда:

— Ты, Мироныч, вконец замучил внука. Сажа-то как въелась в него, мочалкой оттереть не могу!

— Не сердчай, старая, — отшучивался дед, — всякое ученье на пользу идет.

— Да какое же это ученье — лямку дергать! Еще успеет спина у него наболеться! Кабы ты ему буквы показывал, вот тогда другое дело!

— Ну, пошла скрипеть! Придет час — и грамоте научим.

Как-то дед нашел вышитую крестом рубаху, расчесал бороду и повел меня в заводский музей. Попасть туда в то время простому человеку было почти невозможно, и как удалось это деду, так я и не узнал. Больше всего мне запомнились маленькое ружьецо и два крохотных пистолета с полным припасом вооружения.

Дорогой дед объяснил мне, что это ружьецо и пистолеты сделал знаменитый тульский оружейник Медведков.

— Где же он сейчас?

— А бог его знает, должно, помер. Эти игрушки хранятся на заводе не меньше, как лет сорок.

Ружьецо и пистолетики крепко запали в мою память, и уже не мечта, а твердое решение созрело у меня: «Вырасту большой, обязательно сделаю себе такие!»

Пришла зима. За лето я подрос и стал еще усердней помогать деду. Он обрезал с боков старый, во многих местах прожженный кожаный фартук и подарил мне.

Однако мои занятия в кузне продолжались недолго. На масляной дед жестоко простудился и слег. Его положили на печь, где было тепло и спокойно. Когда боль и кашель утихали, дед зазывал к себе нас, ребятишек, и рассказывал длинные сказы о тульских мастерах. Лечили деда травами и припарками — ничто не помогало.

В больницу, куда советовал положить его фельдшер, дед уйти отказался. Он знал, как тогда «лечили» рабочий люд, и предпочитал умереть дома.

Месяца через два он умер. Это было мое первое настоящее горе. Дед был мне самым близким человеком, ласковым, занимательным рассказчиком и верным наставником и учителем.

Весной, когда сошел снег и подсохла земля, я первый раз взрыхлил самостоятельно дедовскую клумбу и посадил на ней цветы. Они быстро зазеленели, и я, гордый своими успехами, стал окапывать яблони. Но работа моя подвигалась туго, и тут мне на помощь пришли соседские ребята, которые не раз слушали дедушкины рассказы. Общими силами мы привели наш садик в порядок.

Однажды вечером отец вернулся с завода раньше обычного, вышел во двор посидеть: ему нездоровилось.

— Это ты, Василек, такой порядок навел?

— Да, — с гордостью ответил я.

Отец вздохнул.

— Учить бы тебя надо. И дед покойный это мне завещал, а жизнь тяжелая, едва сводишь концы с концами.

— Ничего, папаня, я сам выучусь!

— Нет, так не бывает, — вздохнул отец. — Ну ладно, может, бог даст, и определим тебя по осени в школу.

Эти слова отца сильно взволновали меня.

Школа, школа, школа! Я сам себе не верил: неужели я буду учиться? Школа была моей сокровенной мечтой!

Приближалась осень. На дедушкиных яблонях созрела крупная антоновка. Я с братишками набрал большую корзину яблок. С помощью бабушки мы втащили ее на крыльцо и нетерпеливо ждали отца, чтобы похвастаться своими успехами.

Отец пришел с пожилым, сгорбленным человеком, от которого пахло клейстером и варом. Усадив гостя тут же, на лесенке, отец угостил его яблоками.

— Из своего сада? — спросил гость.

— Из своего, вон мой садовник, — указал отец на меня.

Я был очень смущен и хотел убежать, но гость остановил меня:

— Ну-ка, Вася, покажи мне руки.

Я показал.

— Ишь ты, клоп, а руки в мозолях! А ну, покажь ногу.

Стеснясь, я показал ему босую, облепленную засохшей грязью ногу.

— Невелика! — сказал гость и бумажной ленточкой обернул ее крест-накрест.

— Ну, иди, бегай, садовник.

— Он и кузнец у нас, — сказал отец.

Дней через пять пахнувший клейстером и варом человек явился снова. Он вошел в дом, поздоровался и, развернув узелок, вынул оттуда новые сапожки:

— На-ка, садовник, примерь.

Я, не веря своим глазам, натянул сапоги на запылённые ноги и, гордо глядя на мать и бабушку, прошёлся по комнате, от счастья чуть не прыгая.

Через день отец, отпросившись с работы, сам собрал меня в школу.

— Что это волосы-то у тебя ершом торчат? Эх, не успел я постричь!

Мать смазала мне волосы деревянным маслом и пригласила их.

— Ну, сядем, — сказала бабушка.

Все сели и несколько секунд посидели молча.

— Теперь с богом! — и бабушка осенила нас крестом.

— Знаешь ли, по какой улице идем? — спросил отец.

— Знаю, по Курковой.

— То-то по Курковой, а почему она Курковая?

— Не знаю.

— Потому, что на ней жили мастера, которые делали курки для ружей. Это было давно, может, лет сто назад, а может, и того больше. Сказывают, завод-то наш основал еще государь Петр Великий. Делал завод ружья для казны. Народу работало много, а мастерских было мало. Вот и сдавали работу на дом. Со временем в этих местах по специальным делам мастеров и улицы образовались: Курковая, Ствольная, Штыковая. Понял теперь?

— Понял.

— Ну, вот и училище,— сказал отец,— шапку-тоними!

Я снял картуз и, увидев перед собой церковь, остановился.

— Чего стал?

— Да церковь...

— А вон во дворе и училище. Оно так и прозывается: приходское при церкви Пречистой на Хопре.

Прощай, детство!

За зиму я научился бойко читать, писать и считать, а лето опять проводил в саду и в дедушкиной кузне. Снова высадил цветы на клумбе, окопал яблони, помог матери и бабушке закончить работы по огороду. Кузня со всем инструментом теперь находилась в моем полном распоряжении.

Как-то в воскресенье отец повел меня в город, и там, у дома одного купца, мы увидели фонтан. Всю дорогу я притавал к отцу с вопросами: откуда берется вода, почему она идет вверх, что ее разбрызгивает? Отец подробно объяснил мне устройство фонтана.

Не говоря никому ни слова, я притащил со свалки несколько старых водопроводных труб, стал их подгонять друг к другу, свинчивать, прилаживать. Чтобы моя затея не была разгадана, я спрятал трубу, идущую к клумбе, в траву, а торчащий конец прикрыл цветами и ветками.

Вскоре на той же свалке я отыскал мятый заржавленный бак. Взгромоздив его на крышу, скрепив кран проволокой с трубой и прочно промазав замазкой, я распорядился:

— Ну, ребята, таскайте воду!

Скоро бак до краев был наполнен водой. Я торжественно открыл кран. Все застыли, пораженные неожиданным зрелищем: из трубы высокой тонкой струей била вода.

— Стой, ребята! — закричал я, опомнившись. — Это — не то, надо, чтоб вода разбрызгивалась!

Ребята нехотя разошлись, а я заперся в дедовской кузне и стал мастерить из жести высокий конус. Приладив его к трубе, возвышавшейся над клумбой, я положил в него мячик.

Вечером, когда пришел отец и собрались соседские ребята, над клумбой взвился бисерный столб воды.

Мальчишки от удивления открыли рты, а отец осмотрел устройство фонтана и в награду дал мне двугривенный на пряники.

Зволнованный похвалами и наградой отца, я убежал в кузню, залез на верстак, где была моя постель, и уснул счастливый.

Двадцать копеек сулили много радостей. Можно было купить на эти деньги бабки. О, их дали бы много, пожалуй, ни у одного мальчишки столько не было! Но меня уже давно манила к себе книжная лавка. И не яркие обложки сказок, а скромные брошюрки по механике влекли меня к себе. Через день я оказался обладателем нескольких таких книжечек и просиживал за ними целые дни.

Больше всего поразил меня и запомнился рассказ о русском изобретателе Ползунове. Мне не верилось, что бедный солдатский сын изобрел первую в мире паровую машину. Я спросил отца, правда ли это.

Оказалось, отец знал о Ползунове значительно больше, чем вычитал я, и рассказал мне много интересного. Ползунов был не только способным изобретателем, но и человеком сильным и мужественным, перенес много лишений и невзгод, прежде чем осуществил свое изобретение.

— Почему же тогда Ползунову мешали работать? — спросил я.

— А уж так, — пытался объяснить отец, — не понимали, а может, и не хотели. Такие случаи — не редкость. Очень тяжело простому мастеровому выйти на большую дорогу! Сделает он что-нибудь ценное, у него купят это за гроши богатей, да и выдадут за свое. А потом огромные деньги наживут на этом.

Рассказ о жизни и работе изобретателя из народа, который за двадцать один год до англичанина Уатта изобрел паровую машину, несказанно увлек меня, разбудил во мне желание быть похожим на него, изобретать, создавать ценные, полезные народу машины.

В отличие от крепкого деда отец выглядел хилым, болезненным. Двенадцатичасовой труд на заводе его изнурял. Домой он приходил усталый, подавленный, но стоило мне

появиться, отец немедленно оживлялся и охотно отвечал на мои бесконечные расспросы. После смерти деда мы с ним очень сблизились.

Правда, разговоры наши бывали непродолжительны. Пообедав и немного посидев на крылечке, отец принимался снова за работу (дома у него стоял ножной токарный станок). Без дополнительного приработка отца мы бы не прожили. Семья к тому времени разрослась до восьми человек, а из детей мне, самому старшему, исполнилось только десять лет.

Отца радовало мое стремление к учебе и мастерству. Вечерами, работая на станке, он знакомил меня с приемами токарной работы.

Если выдавалось ясное воскресенье, отец брал меня с собой в город. Он очень любил Тулу и называл ее городом русской славы. Мы осматривали с ним старинный тульский кремль с могучими башнями, с зубчатыми каменными стенами. Отец знал название и назначение каждой из девяти башен кремля, построенного еще в царствование Василия III, более четырехсот лет назад.

Я до сих пор помню широкую, толстостенную «башню на погребу». Под ней находился огромный погреб со сводчатым потолком, выложенным из кирпича; некогда он служил арсеналом, в котором хранились оружие и порох. Одна башня, под названием «Водяные ворота», выходила к реке. Самой красивой была башня «Одоевские ворота». Ее венчала строгая куполообразная арка, а ворота под башней выводили на главную улицу города.

Во время наших прогулок по городу отец с воодушевлением рассказывал о доблести русских войск, о легендарных походах и победах русских солдат, о том, что войска побеждали оружием, изготовленным на тульских заводах нашими дедами и прадедами.

Старый оружейный завод находился рядом с кремлем, и мы не раз осматривали его стены и корпуса.

Отец гордился своим заводом, гордился тем, что был потомственным тульским оружейником, надеялся, что и я, его сын, тоже стану работать на оружейном заводе.

Скоро, слишком скоро осуществилось это желание отца!

Наш земляк, писатель Глеб Успенский, в своих замечательных очерках «Нравы Растеряевой улицы» с удивитель-

ной правдивостью нарисовал жизнь и быт жителей тогдашней Тулы. Он писал: «В г. Т... существует Растеряева улица. Принадлежит к числу захолустий, она обладает и всеми особенностями местностей этого рода, т. е. множеством всего покосившегося, полуразвалившегося или развалившегося совсем. Эту картину дополняют ужасы осенней грязи, ужасы темных осенних ночей, оглашаемых сиротливыми криками «караул», и всеобщая бедность».

Эту всеобщую бедность, в детстве, да и позднее, я наблюдал и ощущал каждый день. Как ни бился отец, а его заработков едва-едва хватало на пропитание семьи, мы же, ребяташки, ходили полураздетые и бегали босиком до поздней осени.

Короткой отрадой нашего недолгого детства были летние месяцы. Мы ловили рыбу, ходили в лес на Косую гору за ягодами, грибами и орехами. Да, там, где сейчас раскинулся новый, созданный в годы первых пятилеток металлургический завод, некогда был густой-прегустой лес.

Детство в семьях рабочих обрывалось очень рано: в 10—12 лет дети попадали на заводы и выполняли работу взрослых.

Наша семья не была исключением. Как ни стремился отец, а дать мне законченное образование он так и не смог. С окончанием приходской школы мое ученье оборвалось, и я пошел дорогой, уготованной для тысяч рабочих детей: одиннадцати лет меня определили на завод, и мечты о дальнейшей учебе рассеялись.

Я с детства любил труд, пристрастясь к нему еще в дедовской кузне, и на завод пошел без страха, пожалуй, даже с охотой.

Помню, мы вышли из дома с отцом после первого гудка. Отец, подорвавший свое здоровье на заводе, шел молча: чувствовалось, что ему было нелегко отдавать меня так рано. Я тоже молчал, но старался идти бодро. Мне невольно вспомнились заученные со слов отца стихи Некрасова:

В золотую пору малолетства
Все живое счастливо живет.
Не трудясь, с ликующего детства
Дань забав и радости берет.
Только нам гулять не довелось
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабрике колеса
Мы вертим, вертим, вертим!
Колесо чугунное вертится,
И гудит, и ветром обдаёт.
Голова пылаёт и кружится,
Сердце бьётся, все кругом идет.

Миновал будочника и пройдя шагов двести двором, мы вошли в длинное, прокопченное помещение, уставленное какими-то машинами. Грохот, скрежет, лязг оглушили меня, и я с трудом улавливал объяснения отца. Испуганно озираясь, я неуверенно ступал вперед.

Дойдя до середины помещения, мы встретили человека в каргузе, темном пиджаке и с цепочкой во весь жилет.

Мастер Василий Иванович Зубов был старым знакомым моего отца и потому отнесся ко мне снисходительно. Мы вошли за тесовую перегородку, где было немного тише.

— Ну что, тетка, работать к нам?— дружелюбно спросил Зубов; он осмотрел мою шуплую фигурку и неодобрительно покачал головой.— Сколько?

— Сколько положите, — робко пролепетал я

— Лет сколько, спрашиваю.

— Одиннадцать.

— А не врешь?

— Верно сказывает, — подтвердил отец, — а ростом мал, так ничего, догонит.

— Да! — глубокомысленно сказал мастер. — Ладно уж, оставаю.

Отец облегченно вздохнул.

— Василий Иванович, присмотри за ним первое-то время, он никак в себя не придет, боюсь, под машину не попал бы...

— Ничего, все обойдется. Иди и не думай.

Отец нагнулся ко мне:

— Ты не бойся, Василек, учись, слушайся, я буду к тебе заходить.

— Ладно, батя! — машинально ответил я и уставился на мастера.

— Ну, ты, малый, посиди тут немного, я скоро приду, — сказал тот и вышел, пропустив вперед отца.

Я сел на черную, пропитанную маслом табуретку. Голова кружилась, в ушах шумело.

«Шарманка». «Тихоход»

— Пойдем! — услышал я окрик над ухом.

Я спрыгнул с табуретки и снова увидел перед собой усатого мастера.

— Пойдем, — еще раз повторил он и вышел из каморки.

Я поспешил за ним по грязному, заваленному железными стружками проходу.

— Вот машина, на которой ты будешь работать! — указал мастер.

Я осмотрел установленный на чугунных бабках узкий железный ящик с большим рычагом и спросил:

— А как же на ней работать?

— Вот, гляди!—мастер огромной пятерней взял с деревянного, почерневшего от времени столика горсть каких-то пружин и аккуратно уложил их в ящик, потом закрепил крышку ящика и, надавив книзу рычаг, накинул на него железный крюк.

Пружины в железном ящике остались в сжатом состоянии.

— Вот этак крепи!—пояснил мастер. — Потом ослабишь рычаг и достанешь пружины. Целые клади в ящик, а ломаные валяй на пол. Этой машиной испытывают винтовочные пружины, а прозывается она попросту: «шарманка».

Заставив меня раза два проделать показанную им несложную операцию, мастер ушел. До гудка я не отходил от «шарманки». Вначале работа показалась нетяжелой. Я усердно работал, изо всех сил налегая на рычаг. Но к вечеру так устал, что еле дотащился до дома.

Поужинав, долго не мог уснуть: перед глазами все время стояли цех и «шарманка».

— Ты что не спишь, Василек?—спросил отец.

— Все думаю о работе.

— Чего же думать-то, работа твоя легкая!

— Пустяшная какая-то! Может, мне другую попросить?

Отец приподнялся на кровати:

— Кто это тебе сказал, что испытание пружин—пустяшная работа! Кто, спрашиваю?

Я молчал.

— Пойми! — с возмущением продолжал отец. — Плохая пружина—и ружье никуда не годится. А каково это, когда бой идет! Подвела пружина—и погиб человек! Вот что значит твоя работа! От нее зависит самое главное—боеспособность оружия. Понял ли?

— Понял, батя, очень хорошо понял!

В 1891 году, то есть в год моего поступления на работу, тульский оружейный завод переходил на изготовление первой магазинной винтовки, сконструированной русским инженером капитаном С. И. Мосиным.

До этого завод производил винтовку системы Бердана. Русские мастера немало поработали над ее улучшением и усовершенствованием. Они добились того, что русские образцы Бердана превосходили американские, и все же винтовка была далеко не совершенной: она часто ломалась и отказывала в стрельбе при малейшем засорении.

Мосин, которого в те годы мне доводилось не раз видеть на заводе, с большим трудом продвигал в производство свою винтовку. Человек он был небогатый, подарков чиновникам из военного ведомства не делал, а без этого изобретение русского конструктора упорно зажималось. Несмотря на явное превосходство мосинского образца винтовки по сравнению с иностранными, военное ведомство не торопилось вооружить ею армию. Больше того: на конкурсе 1890 года, когда винтовка Мосина одержала победу над бельгийской — конструкции Нагана — и была принята на вооружение русской армии, ловкие иностранные дельцы сумели в экспертной комиссии повернуть дело так, что комиссия предложила Мосину при окончательной доработке его винтовки применить некоторые детали из винтовки Нагана. В результате казна выдала Мосину за изобретенную им винтовку премию в 35 тысяч рублей, а Нагану — 200 тысяч рублей (?).

Царь же пошел еще далее: он запретил называть мосинскую винтовку именем изобретателя, больше того: запретил называть ее русской, а повелел окрестить «винтовкой образца 1891 года».

А русская винтовка Мосина (с испытания пружин для которой я начал свой трудовой путь) и поныне является замечательным оружием.

Вернусь к своей работе. Чтоб легче и удобнее было опускать рычаг моей «шарманки», я поставил под ноги широкий ящик. Стало удобней налегать на рычаг грудью, и это значительно облегчило работу: я меньше уставал.

Работа на «шарманке», несмотря на всю ее «важность», со временем все же порядочно мне надоела. Я хотел учиться оружейному мастерству, придумывать, мастерить, изобретать. У меня даже явилась мысль усовершенствовать «шарманку». Но когда я заикнулся об этом мастеру, тот сердито замахал руками:

— Изобретай себе дома, а тут и без твоих изобретений хлопот довольно!

Я был обижен таким ответом, но вступать в спор с мастером не полагалось.

Каждую свободную минуту дома я посвящал чтению или работе в кузне.

Меня особенно увлекали в ту пору книги о замечательных русских изобретателях и ученых, вышедших из народных низов. Я уже знал об известном русском изобретателе Кулибине. Более ста лет назад, когда не было ни современных станков, ни совершенных инструментов, Кулибин создал маленькие настольные часы с месячесчислением и музыкальным боем. Часы эти приводят в восторг даже наших современников.

Пример Ползунова, Кулибина, Ломоносова — великих русских изобретателей, ученых, самоучками дошедших до вершин знаний, — поразил и вдохновил меня. Я начал мечтать об изобретательстве. Единственным человеком, который знал о моих сокровенных мечтах, был отец.

— Тяжелое дело ты задумал, сынок, — говорил он. — Трудно, даже почти невозможно в наше время простому мастеровому стать изобретателем!

Отец был чутким, отзывчивым человеком. Ему нравились мои замыслы. Он признался, что в юности сам мечтал о том же. Упорно и последовательно прививал отец мне любовь к труду, посвящал в сложное искусство оружейника, учил тонкой слесарной и токарной работе.

Однажды на лошади, взятой у соседей, мы поехали с отцом за город.

Оставив за собой грязный, закопченный город, выехали мы в зеленый простор, наполненный благоуханием цветов и пением птиц. Привыкшая к спертому воздуху цеха грудь дышала глубоко и легко.

Мы ехали по обочине Орловского шоссе, обрамленного с обеих сторон темнозеленым массивом богатырского леса.

Лес этот тянулся на сотни верст, в ту пору соединяясь со знаменитыми Брянскими лесами.

Из прохлады леса мы выехали к полям, и дорога потянулась вдоль неубранной ржи, пестревшей васильками и колокольчиками. Я соскочил и некоторое время бежал за телегой.

На обратном пути, полный впечатлений от этой поездки, я погрузился в свои мысли. Вдруг отец окликнул меня и указал на одинокую фигуру пахаря на бугре.

По направлению к дороге следом за сивой лошадкой, запряженной в соху, шел невысокий, коренастый старик в широкополой соломенной шляпе. Ветер трепал его густую белую бороду и полы длинной рубахи. Старик был бос, в синих подкру-

ченных снизу штанах. Он шел за сохой бодрой, молодой походкой, изредка покрикивая на лошадей.

Отец сказал мне, что это знаменитый русский писатель, граф Лев Николаевич Толстой. Образ великого русского писателя навсегда остался в моей памяти.

Незадолго до этого, возвращаясь с работы, я увидел мастерового на неуклюжем и тяжелом, очевидно, самодельном, двухколесном велосипеде.

Мастеровой ехал очень медленно, часто останавливался, несколько раз падал, теряя равновесие.

Я решил создать более устойчивый велосипед — на трех колесах. А чтобы было легче вращать колеса, решил применить цепную передачу, как у заводских станков. Вернувшись из поездки с отцом за город, я решил приступить к своей затее.

Ежедневно после завода два — три часа я проводил в кузне, а в воскресные дни почти вовсе не выходил оттуда.

Через месяц я вывел свою машину за ворота. Под веселые крики и улюлюканье собравшейся толпы мальчишек я уселся на велосипед и медленно поехал под уклон.

Велосипед лязгал, грохотал, скрипел; стучал железными колесами. Из дворов выскакивали собаки, заливаясь отчаянным лаем.

Велосипед понравился зрителям, но за медлительность был тут же единодушно и метко прозван «тихоходом».

Эта кличка показалась мне обидной, даже оскорбительной. С помощью отца я отладил передачу, и велосипед стал ездить довольно быстро. Однако прозвище «тихоход» так и осталось за ним, к моему великому огорчению.

Первая самостоятельная работа доставила мне большую радость, я твердо поверил в то, что со временем сумею сделать что-нибудь более интересное и значительное.

Слава о «тихоходе» разлетелась по всему городу, к нам на Нижнемиллионную посмотреть и покататься на велосипеде приходили подростки со всех окраин города. А на заводе взрослые рабочие стали оказывать мне больше внимания. Только на администрацию это не произвело ни малейшего впечатления: попрежнему я выполнял однообразную, неинтересную мне работу на «шарманке».

Первое изобретение

Изнурительный труд раньше времени свел отца в могилу. Он умер сравнительно молодым. На меня, семнадцатилетнего юношу, обрушилась вся тяжесть содержания большой семьи.

К тому времени я был уже опытным рабочим, но раз тебе 17 лет — получай зарплаток ученика. А этого заработка для нашей семьи могло хватить на неделю, не больше.

Как и отец, я начал прирабатывать, выполняя по вечерам на ножном токарном станке частные заказы.

Но после десяти-двенадцатичасового труда на заводе работать дома было нелегко. Особенно на таком кустарном станке: приходилось одновременно вращать станок, точнее, вал станка, и обтачивать деталь. Житейская необходимость натолкнула меня тогда на мысль об «изобретении». Я задумал приспособить к станку своего рода двигатель, используя бесплатную энергию — силу ветра.

В воскресный день я отправился за город.

Подойдя к одной из ветряных мельниц (было тихо, и мельница не работала), я внимательно осмотрел устройство ее крыльев и зарисовал их на бумажке.

Сделав по этому чертежу небольшие крылья, я укрепил их на прочном стальном валу, который поместил в медную втулку. На конце вала приделал принесенную с завода конусную шестеренку. Другую шестеренку укрепил на длинном железном стержне, который спрятал в водопроводную трубу, пропустив сквозь крышу и потолок, и соединил шестеренками с осью станка. Крылья, или ветряки, были также прочно укреплены на крыше, а для регулирования их сквозь крышу и потолок была пропущена проволока с петлей на конце.

Смазав все рабочие поверхности своего механизма, я стал ждать ветра. О его появлении подали мне знак ветви черемухи. Я потянул за проволочную петлю, и, к моей неописуемой радости, ветряк пришел в действие и начал вращать вал станка.

На обточку детали стало уходить вдвое меньше времени. Это была уже серьезная победа, убедившая меня в практической ценности моего изобретения.

Но при сильном ветре станок вращался очень быстро, при слабом, наоборот, — крайне медленно. Я сконструировал регулятор скорости, и станок стал работать ритмичнее.

Однажды я пригласил к себе старого мастера завода и показал ему свое изобретение.

Мастер был человек неторопливый и не щедрый на похвалу. Он долго осматривал станок, пробовал на нем точить, выходил во двор, смотрел ветряк. Потом сказал:

— Ловко придумал, молодцом! Надо бы тебе, парень, учиться!

Я и сам знал, что мне надо было учиться, но средств для этого не было.

— Может, вы меня оружейному делу подучите? — попросил я мастера; тот согласился.

Через некоторое время на заводе мне стали поручать более сложные и ответственные работы, в частности сборку затвора и магазина. Это было началом моего знакомства с механизмом винтовки.

Я хорошо узнал и изучил каждый винтик винтовки Мосина и, пожалуй, смог бы каждую деталь ее выточить самостоятельно.

Через два-три года меня уже считали оружейным мастером.

Овладение оружейным мастерством с новой силой разбудило во мне желание изобретать. Теперь я чувствовал в себе больше силы, да и опыт некоторый поднакопился.

Я не раз пытался сделать кое-какие усовершенствования к станкам, но мои предложения наткнулись на неодолимые преграды. Инженеры не хотели разговаривать, даже возмущались. Один инженер-немец мне заявил так:

— Я инженер, а ты есть слесарь, это надо понять и больше меня не беспокоить.

Мастер же объяснял это проще:

— Пойми, Василий, всякое приспособление требует затрат. А казне выгодней тебе заплатить грош, чем на приспособление истратить целковый.

— Так ведь потом все окупится! — возражал я.

— Это еще бабушка надвое сказала. А зачем им гадать да рисковать, когда дело и так идет!

В солдатах

Двадцатый век начался для меня памятными событиями. В 1901 году, несмотря на то, что я был единственным кормильцем большой семьи, меня забрали в солдаты.

В тусклый, пасмурный, серый день на запасный путь, подалее от вокзала, подали длинный состав из красных товарных вагонов. На платформе и поодаль, на поблеклой лужайке,

собралось множество отъезжающих и провожающих: мастеровые в сапогах в гармошку, в коротких пиджаках нараспашку, окруженные фабричными девчатами; деревенские парни в лаптях, в холщевых рубахах; их родичи, угрюмые бородачи и охающие бабы с ребятишками и узелками.

Кто плачет, кто играет на гармонике, кто пляшет, вскрикивая, отбивая в ладоши и насвистывая в ритм пляске. Весь этот гомон покрывает несвязный хор пьяных голосов:

— Последний но-не-шний де-не-чек
Гуляю с ва-ми я, друзь-я...

Позднее мне пришлось увидеть картину Савицкого «Проводы на войну». Я долго стоял перед ней, и мне казалось, что художник изобразил именно тот самый эшелон с небольшим старомодным, конусотрубным паровозом, который увозил меня из родного города.

Проводы в солдаты, или, как раньше говорили, в рекруты, были одним из самых страшных, диких и печальных явлений старого времени.

Мать, окруженная ребятишками, плакала. Ее утешала моя невеста Вера.

На душе было невесело. Что будет делать мать с кучей малолетних детей? Как они будут жить? А Вера, милая, веселая девушка, сдержит ли она слово? Будет ли ждать пять долгих лет?

В вагоне стало известно, что нас везут в Петербург, столицу Российской империи.

Служить в Петербурге каждый почитал за счастье, и я вместе с другими понемногу развеселился.

С несколькими солдатами-туляками я попал в Ораниенбаум. Еще дорогой мы узнали, что в Ораниенбауме при офицерской школе есть оружейные мастерские, и надеялись, что нас, мастеровых, направят туда. Но надежда эта не оправдалась: нас постигло горькое разочарование. После бани нам выдали обмундирование и разместили в темных, сырых казармах. На другой же день началась обычная солдатская муштра. И так — изо дня в день, на годы.

Оружейная мастерская, о которой мы мечтали по дороге в Ораниенбаум, была рядом, но попасть в нее оказалось нелегко.

Огромный плац около здания школы был местом наших учений.

Чуть свет раздавались громкие выкрики: «Смирно! Шагом марш! Кругом!..»

Мы маршировали по широкому полю и горланили старую солдатскую песню:

— Солдатушки, браво, ребяташки,
Где же ваши жены?
— Наши жены — ружья заряжены —
Вот где наши жены!

После того как мы, новобранцы, прошли положенную выучку, нас стали приучать к стрельбе из винтовки и пулемета.

Стрельба из пулемета оказалась настоящим мучением: при малейшем засорении пулеметы отказывали, а порой и ломались.

Долго тянул бы я обычную солдатскую ляжку, если бы случай не помог мне проявить свои способности.

Однажды поломался пулемет, и механик не смог его починить. Офицер, руководивший учением, кричал и ругался самыми непристойными словами. Убедившись, однако, что бранью дела не изменишь, офицер быстро зашагал к начальнику полигона.

Догнав офицера, я взял под козырек:

— Ваше благородие, разрешите разобрать пулемет, может, почию?

Тот недоверчиво взглянул на меня и, ничего не ответив, махнул рукой.

Я истолковал этот жест за разрешение, вернулся к поломанному пулемету и разобрал его.

Поломка оказалась серьезной. Но не прошло и часу, как пулемет был исправлен, и мы дали очередь по мишени.

Услышав стрельбу, офицер вернулся и подошел прямо ко мне:

— Ты починил?

— Да, — ответил я.

— Как фамилия?

— Дегтярев, — ответил я, вытянувшись.

Офицер, очевидно, доложил о происшествии с пулеметом начальнику полигона Филатову, и это решило мою дальнейшую судьбу. Филатов отдал приказ о моем переводе в опытную мастерскую.

Руки мои давно тосковали по настоящей работе за станком. С волнением и трепетом я переступил порог опытной мастерской. Чистота и обилие света поразили меня, привыкшего к тесному, закопченному заводскому цеху. Работать в этом просторном, свежеокрашенном помещении казалось блаженством.

Коренастый мастер Елин подвел меня к широкому верстаку и поручил починить винтовочный затвор, очевидно, решив проверить мои способности.

Разобрав затвор, я увидел, что повреждение пустяжное, и быстро его исправил. Елин глазам не поверил. До меня этот затвор пытался уже чинить один мастер. Елин считал повреждение серьезным и думал, что мне придется повозиться с ним до вечера. Я же доложил о починке затвора через каких-нибудь тридцать минут.

В мастерской были образцы новейшего стрелкового оружия стран Европы и Америки. Я незамедлительно воспользовался возможностью подробно познакомиться с неизвестными системами.

Начальник полигона полковник Филатов часто заглядывал в мастерскую. Ответив на приветствия, ходил по мастерской, присматриваясь то к одному, то к другому. Елин не покидал его.

— Ну, как новичок работает? — услышал я за спиной громкий голос Филатова.

— Башка-человек, ваше высокоблагородие, сам пушку может делать! — ответил Елин.

— Из Тулы? — спросил Филатов.

— Из Тулы, ваше высокоблагородие, — ответил я, вытянувшись.

— Отставить! — сказал Филатов. — Здесь ты не в строю, разговаривай просто. Оружейник, значит?

— Так точно.

Филатов оказался очень внимательным и хорошо знающим оружейное дело человеком. Его искренно обрадовало мое знакомство с винтовкой Мосина, а также горячее желание работать и учиться.

— Хорошо! — сказал он на прощанье. — Будешь здесь работать и учиться. Смотри, сколько у нас оружия! Да и мастера есть отличные.

После разговора с Филатовым мне стали поручать наиболее ответственные работы по ремонту оружия, главным образом пулеметов.

Выполняя эту работу, я внимательно присматривался к пулеметам, старался разгадать тайну их устройства, понять капризы механизма. На ремонте пулеметов я проработал более двух лет. За это время я неплохо научился разбираться в машинах, и меня стали считать лучшим мастером по ремонту.

Первые русские пулеметчики

Изучая образцы различных стрелковых систем, собранные в нашей мастерской из многих стран мира, я не раз высказывал мастеру Елину свои соображения о том, как улучшить ту или иную систему, но тот только разводил руками:

— Не наше дело. Пусть думает начальство, у них голова побольше!

В эти годы быстрое развитие получала оружейная автоматика. Пулеметы все настойчивее завоевывали право на существование. В будущих войнах им предстояло сыграть большую роль. Начальник полигона получил приказ начать систематическое обучение ефрейторов и солдат стрельбе из пулемета. Опытных учителей или инструкторов пулеметной стрельбы на полигоне не оказалось.

Филатов вызвал меня:

— Ну, Дегтярев, поручаю тебе важное дело: обучить стрельбе из пулемета группу ефрейторов.

Приказ начальника полигона был для меня неожиданным. Пулемет «максим» я знал хорошо, но педагогических навыков у меня не было. Сам я научился стрельбе из пулемета почти без посторонней помощи, а тут предстояло учить других. Но приказ был подписан, и мне ничего не оставалось, как приступить к его выполнению.

Пулеметы того времени были очень капризны и непрочны. Был у них один серьезный дефект: они быстро перегревались. Сделаешь несколько сот выстрелов—и из пулемета пар столбом. Недаром ефрейторы в шутку называли пулеметы «самоварами».

Чуть свет я одевался и, выкатив из казармы тяжелый «максим», начинал занятия.

Я старался объяснить сложное устройство пулемета простым, каждому понятным языком, и это облегчало наши занятия.

Все двенадцать ефрейторов хорошо изучили «максим» и прекрасно выдержали испытания по стрельбе. Мне была объявлена благодарность.

Вслед за обучением ефрейторов я обучил стрельбе из пулемета группу оружейных мастеров и принялся за обучение солдат.

Мне полюбилось это дело. Со временем наши занятия приняли более организованный характер. На базе небольшой подготовленной мною группы усилиями полковника Филатова была создана первая школа русских пулеметчиков. О ней знают многие советские воины, но вряд ли они знают, что пер-

вым преподавателем в той школе был рядовой солдат и оружейный мастер.

Частые поломки пулемета вызывали во мне досаду и обиду. Почему мы должны стрелять из непрочного, привезенного из-за границы пулемета? Неужели наши русские инженеры, мастера, изобретатели не могут создать свой русский пулемет, который был бы лучше и прочней?

Возможно, уже тогда во мне зародилась мысль о создании добротного пулемета.

Позднее, когда я познакомился с пулеметами Мадсена и Шварцлозе, приобрел знания по оружейной автоматике, эта мысль стала приобретать более конкретные формы. Изобрести русский пулемет, который бы превосходил все заграничные системы,— эта мысль стала моей сокровенной мечтой.

Встреча с Браунингом

Я работал оружейным мастером, но содержался, как солдат, на строжайшем казарменном режиме.

Прошло более трех лет с тех пор, как я расстался с родной Тулой, а города, в котором жил эти годы, по-настоящему еще не видел.

Мы были отгорожены от мира каменной стеной. И все же в наши казармы проникали слухи о событиях, происходивших в России.

В январе 1904 года мы узнали о трагедии в Чемульпо и о войне с Японией.

В опытных мастерских и в казармах только и говорили о войне. Солдат тревожила известная нам по опыту техническая неподготовленность русской армии.

Мы хорошо знали, что Россия к войне не готова: новейшее оружие—пулеметы—было в частях большой редкостью. Солдаты мало верили и в генералов, командовавших русскими армиями. И чем дальше развивались события, тем больше было мрачных известий с фронтов. Русские армии, несмотря на героизм солдат, терпели поражение за поражением. А на фронт вместо снарядов и патронов зачастую засылались иконы да кресты.

Известия о гибели наших героев на маньчжурских полях глубоко волновали солдат. Нас, оружейников, больше всего возмущало то, что одной из главных причин поражения было плохое вооружение наших войск, словно в России не было людей, способных создать первоклассное оружие.

Трагическое известие о гибели в Цусимском проливе второй Тихоокеанской эскадры и о позорном мире с Японией глубоко потрясло нас, русских солдат и оружейников. Многие в те дни навсегда потеряли веру в бездарное царское правительство, бесцельно погубившее жизни сотен тысяч русских солдат и матросов.

Много позже понял я, что падение Порт-Артура было началом падения прогнившего самодержавия.

Между тем война с Японией кое-чему научила царских чиновников: хотя и с опозданием, но они взялись за усиление вооружения армии.

В Россию с образцами нового, автоматического оружия хлынули падкие до наживы иностранные фабриканты.

Испытание привезенного ими оружия производилось на ораниенбаумском полигоне.

Я был невольным свидетелем этих событий, и мне привелось не только хорошо изучить пулеметы Мадсена, Шварцлозе и другие, но и лично увидеть их конструкторов.

Очень хорошо помню высокого, румяного, всегда жизнерадостного и веселого датчанина Мадсена. Он был изысканно любезен даже с нами, простыми солдатами, старался небескорыстно расположить нас к себе и за малейшую услугу или помощь пытался отблагодарить деньгами.

Австриец Шварцлозе, смуглый, худощавый человек, был замкнут и угрюм, редко показывался в мастерской и избегал разговоров.

Американец Браунинг, плотный, энергичный, веселый, напротив, оказался очень общительным, запросто приходил в мастерскую и через переводчика охотно разговаривал с мастерами. Он привез автоматическую винтовку, надеясь выгодно продать ее царскому правительству.

Я много слышал о Браунинге, и мне не терпелось быстрее познакомиться с его винтовкой. Случай скоро представился.

При испытаниях винтовка Браунинга отказала. Он с шумом влетел в мастерскую в окружении целой свиты. Быстро скинул пиджак, закатал рукава и сам взялся за починку винтовки.

Мы бросили работу и с интересом наблюдали за ним. Мой верстак стоял близко, я хорошо видел, как он разобрал винтовку и стал исправлять повреждение. Но он был очень возбужден, взволнован, и работа у него не клеилась. Поковырявшись минут десять, он осмотрелся кругом и, улыбнувшись мне, поманил пальцем к себе. Я подошел.

Через переводчика Браунинг спросил, не могу ли я починить его винтовку.

Я взялся за дело, мне хотелось показать американцам, что русские мастера могут работать не хуже их.

Другие наши мастера встали полукругом и, затаив дыхание, наблюдали за моей работой. В случае неудачи или заминки каждый из них в любую минуту был готов прийти на помощь. Но дело у меня шло на редкость хорошо. Работал я быстро и уверенно. Браунинг не спускал с меня глаз и громко повторял:

— Ол райт, ол райт!

Исправив повреждение, я сам собрал винтовку, чем окончательно поразил Браунинга.

Он принял винтовку, вдвинул затвор, нажал курок. Винтовка громко щелкнула.

— Ол райт! — громко прокричал Браунинг и, пожав мне руку, вытащил пачку денег.

Браунинг очень удивился, когда я отказался принять деньги, заспорил с переводчиком, опять попытался мне вручить деньги и успокоился лишь тогда, когда я принял от него коробку сигар.

— А что может посоветовать мне русский мастер? — спросил он через переводчика.

Я осмотрел винтовку и сказал, что нужно крепче приладить штык, чтобы он не соскакивал и не мешал прицелу.

Браунинг записал это в блокнот и, попрощавшись, направился на полигон.

Меня обступили наши мастера.

— Ну, как, Василий, что скажешь о заморской винтовке?

— Думаю, забракует ее.

— Почему? — удивились те.

— Очень уж сложна она. Да и детали сделаны мелкие, непрочные, хорошо стрелять не будет.

Мои предположения сбылись. Винтовку Браунинга действительно забраковали, она не выдержала положенных испытаний.

Браунинг уехал в Америку. Мне больше никогда не доводилось его видеть. Но эта встреча еще более укрепила во мне давно созревшую уверенность: изобретенные заграничными мастерами системы автоматического оружия далеко не совершенны, и мы, русские мастера, можем не только поспорить с ними, но и превзойти их в своем искусстве.

Я остаюсь в Ораниенбауме

Стояла зима только начавшегося 1905 года. Как ни был суров казарменный режим, к нам все же проникали слухи о событиях в стране. Еще не улеглись горькие воспоминания о позорной войне с Японией, когда один солдат, вернувшийся из отпуска, под большим секретом рассказал о кровавых событиях в Петербурге: о том, что на площади Зимнего дворца были расстреляны тысячи безоружных рабочих, шедших с петицией к царю.

Известие ошеломило нас. Мы были подавлены, убиты слухами об этой страшной трагедии.

Кончился срок моей службы. Я должен был сделать выбор: уехать в родную Тулу или остаться здесь вольнонаемным.

Случись это несколько лет назад, я бы, пожалуй, не раздумывая, уехал в Тулу, где родился и вырос, где каждый уголок мне был знаком и дорог, где меня ждали мать, братья и невеста. Но теперь расстаться с Ораниенбаумом — значило расстаться с Филатовым, потерять полюбившуюся мне работу в опытной мастерской и, может быть, навсегда оставить мечты об изобретательстве. Я колебался...

— Оставайся, — убеждал меня Филатов. — Женишься, привезешь семью, снимешь квартиру и заживешь на славу. Тебе надо учиться и развивать свои способности. Лучшего места для этого ты не найдешь.

Я отправился в город. Впервые за пять лет пребывания здесь я по-настоящему осмотрел Ораниенбаум.

Потому ли, что я снял солдатское одеяние, или потому, что почувствовал себя после казармы относительно свободным и независимым, город предстал для меня совершенно новым.

Стояла ранняя осень. Золото лип переплеталось с темной зеленью обрамлявших город сосен и дубов старинного парка.

Дома с высокими мезонинами, узорными террасами и балконами; улицы чистые и зеленые. После грязной и пыльной Тулы Ораниенбаум показался мне каким-то сказочным городом.

Выйдя за город, я увидел величественные очертания Китайского дворца. Он находился в глубине старинного парка, на возвышении. Перед ним раскинулась широкая поляна с прямыми желтыми дорожками и пышными, благоухающими клумбами.

На фоне темной зелени сада дворец казался ослепительно белым. Тонкая, ажурная лепка придавала ему удивительную легкость.

— Неужели все это создано руками человека?— произнес я вслух.

— Да, мил-человек, все сделали люди!— услышал я за спиной хрипловатый старческий голос; маленький худенький старичок—то был сторож—спросил меня:—А ты откол?

Я рассказал ему про себя.

— Так,—сказал старичок и протянул мне кисет.—Тульский, значит. Вот тут есть одна комната, так там какого только оружия нет! Сказывают, что оружие это все сделано тульскими мастерами. А дворец-то, сказывают, владимирцы строили, а мебель—вятские мастера. Все это наш брат сделал, простые русские люди.

Я еще раз посмотрел в окна дворца и, попрощавшись со старичком, пошел к себе.

Я и не заметил, как очутился на берегу Финского залива. Огромный синий простор распахнулся предо мной неожиданно. Я расправил плечи, глубоко вдохнул свежий морской воздух и почувствовал прилив новых сил.

На следующий день я подыскал небольшую комнату и, придя на полигон, заявил Филатову о своем желании остаться. А вечером отправил письмо матери, а также предложение Вере приехать сюда.

Приедет она или не приедет?

Думы о Туле, о любимой девушке не оставляли меня. Что бы я ни делал: обтачивал ли деталь, сверлил ли, строгал ли,—образ ее стоял передо мною.

И вдруг я получил телеграмму:

«Выезжаю, встречай, твоя Вера».

Учитель и друг

1906 год был особым, можно сказать, историческим годом в моей жизни. В этом году произошло мое знакомство с инженером Владимиром Григорьевичем Федоровым. Будущий конструктор и ученый—отец русской оружейной автоматики — с той поры стал моим учителем и другом, определившим, по существу, всю мою последующую жизнь и конструкторскую деятельность.

Однажды душистым весенним утром, когда солнце стояло уже высоко и жаворонки рассыпали над полигоном звонкие

трели, в мастерскую вошел полковник Филатов и, как всегда, громко поздоровавшись, подошел ко мне. Он вынул из кармана рисунок, точнее, набросок новой, остроконечной пули, протянул мне и предложил в три часа быть у него.

— Вот вам и мастер!—сказал Филатов, обращаясь к стройному румяному капитану, когда я вошел в его кабинет.—Пойди сюда, Дегтярев, познакомься. Это капитан Владимир Григорьевич Федоров.

Федоров протянул мне руку, затем, развернув чертежи трех новых пуль, спросил, можно ли изготовить в мастерской полигона необходимые резцы и выточить по тридцать пуль каждого образца из медного прута.

— Выточит, выточит, он скромн, а руки золотые! — ответил за меня Филатов.

— Работа должна быть предельно точной, — предупредил капитан.

И тут же пояснил, что после изготовления необходимо будет испытать, какая из трех пуль будет наиболее выгодной. Чертеж первой остроконечной пули разработан профессором Михайловской артиллерийской академии Петровичем. Профессор составил этот чертеж на основе сложнейших математических вычислений и формул преодоления сопротивления воздуха пулями самых различных форм.

Я колебался. Взяться за работу и не выполнить ее было не в моих правилах, а выполнить такую точнейшую работу при имеющемся оборудовании и инструменте было почти невозможно.

Филатов разгадал мои опасения:

— Берись, Дегтярев, лучше тебя никто этой работы не сделает.

— Не бойтесь, вам даны хорошие чертежи, и от вас требуется только точность исполнения. Правда, работа трудная, но и почетная!—сказал Федоров.—По модели, которую вы делаете, в случае успешных испытаний будут изготавливаться миллионы пуль, ими будут вооружены все войска русской армии.

Я вышел из кабинета и почти бегом бросился в мастерскую. Сердце стучало. Было радостно и вместе с тем страшно. Радостно оттого, что мне доверили такую ответственную работу. И страшно за последствия: а вдруг не сделаю?

Мастер Елин, очевидно, заранее предупрежденный Филатовым, предоставил в мое распоряжение лучший инструмент, и работа началась.

Я сделал заготовку двадцати пулек, надеясь из них отобрать одну. Мастера подшучивали над тем, почему я вместо одной пули принялся делать двадцать.

А я, не надеясь на оборудование и инструмент, боялся неизбежного брака, поэтому сделал заготовку с запасом.

Мои опасения оправдались: при доводке я запарывал одну пульку за другой.

Я пробовал работать и быстро и медленно — ничего не получалось. Пульки неизменно выходили с браком.

Однажды, когда я сидел у верстака, сличая одну с другой только что обточенные пульки, в мастерскую вошел капитан Федоров.

— Здравствуйте, Дегтярев, как успехи?

— Здравия желаю, ваше благородие. Успехи плохи.

Федоров достал лупу и стал рассматривать «запоротые» пульки.

— Странное дело! — сказал он. — Как у вас с нервами?

— Не жалуюсь.

— А ну-ка, встаньте за станок.

Я начал обтачивать пульку. Федоров наблюдал:

— Да, руки у вас не дрожат. В чем же дело?

— Может, станок дрожит? — спросил я.

— Возможно. А ну, продолжайте.

Я включил станок и стал работать.

Федоров достал серебряный рубль и поставил его на станину. Рубль задрожал и вдруг спрыгнул со станины и со звоном покатылся по полу.

— Все ясно! — сказал Федоров. — Вас подводит станок: он сильно вибрирует.

Затем Федоров посоветовал сделать резец точнейшего профиля.

В конце концов мне удалось устранить вибрацию станка, и я сделал партию пулек, которые понравились и Елину и Филатову.

Испытания происходили в Ораниенбауме в присутствии всей комиссии по разработке нового патрона и самого профессора Петровича. Стрельба производилась всеми тремя образцами пуль. На особых приборах определялись их боевые качества. Расчеты профессора Петровича сначала оправдались — его пуля оказалась как будто бы наивыгоднейшей, — однако дополнительные опыты при стрельбе по щитам показали ее небольшую пробивную способность.

В дальнейшем был предложен другой чертеж остроконечной пули, по которому мной была изготовлена партия пуль для более широких испытаний.

Однажды Филатов пришел ко мне и сказал, что остроконечные пули на стрелковых испытаниях показали себя отлично: значительно возросла дальность прямого выстрела, усилилась пробивная способность, почти втрое возросла отлогость траектории.

— Так что поздравляю тебя, Дегтярев, с успехом!—и Филатов попросту пожал мне руку.

Вечером, когда я вошел в кабинет Филатова, Федоров был уже там. Он встал мне навстречу и дружески поздоровался.

— Садись, Дегтярев,—пригласил Филатов.—Владимиру Григорьевичу нужен хороший мастер. Хочешь с ним работать? Будете мосинскую винтовку переделывать на автоматическую.

Предложение это было для меня столь неожиданным, что я растерялся и молча стоял, теребя картуз и не находя нужных слов.

— Ну, что ж ты, брат, неужели недоволен? — спросил Филатов.

— Очень доволен, ваше высокоблагородие, и рад стараться всей душой! — выпалил я, не переводя дыхания.

— То-то же. Ну, подойди поближе.

На столе лежал чертеж первого русского автомата.

— Предупреждаю, работа сложная и строго секретная, никто, кроме вас с Федоровым, не должен об этом знать, понял? — сказал Филатов.

— Так точно, понял!

— Всю работу будешь делать один. Справишься?

— Постараюсь, ваше высокоблагородие.

— Вот и отлично.

Мне отвели отдельное место в мастерской, дали лучший инструмент, и работы начались.

Федоров оставил мне чертежи, объяснил, что и как нужно делать поначалу, а сам уехал в Петербург. Он работал в артиллерийском ведомстве.

Нельзя сказать, чтобы начальство очень поощряло изобретательскую деятельность молодого талантливого офицера. На работы по изобретению первой русской автоматической винтовки было ассигновано только 500 рублей, в то время как иностранцам выплачивались миллионы.

Федоров нашел во мне верного и преданного помощника, всю жизнь мечтавшего именно о такой работе. Всегда все задания Федорова выполнял я точно и аккуратно.

Федоров работал в Петербурге, и это лишало нас возможности часто видеться. Но чем больше мы работали, тем лучше понимали друг друга, тем легче нам становилось работать.

Владимир Григорьевич Федоров был старше меня всего на пять лет. По званию он был офицер, а я бывший солдат. Но относился он ко мне попросту, хотя и не любил фамильярностей. Между нами установились хорошие, я бы сказал, товарищеские отношения. В лице Владимира Григорьевича я встретил человека редких знаний и не менее редких конструкторских способностей. Эти качества сочетались в нем с мягким характером и добрым, отзывчивым сердцем. Он быстро угадал во мне тягу к знаниям и к изобретательству и посвящал меня в тайны оружейной автоматки.

В каждый его приезд в Ораниенбаум мы успевали не только обсудить все вопросы, связанные с моей работой по автомату, но и поговорить о заграничных автоматических системах, которые Владимир Григорьевич прекрасно знал. Его суждения были для меня своеобразными лекциями, которые я впитывал с жадностью.

Работал я с большим увлечением. Подчас мне было трудно, нужна была срочная помощь или совет Федорова, а его не было. Обратиться к кому либо из мастеров я не имел права, и поэтому некоторые технические вопросы приходилось решать самостоятельно.

Федоров внимательно относился к моим предложениям и не раз с похвалой отзывался о них. Это меня очень радовало и ободряло.

Чем больше продвигалась моя работа над автоматом, тем яснее становилось для нас, что винтовку Мосина переделать на автоматическую невозможно. Система из-за внешней коробки, в которую был помещен ствол, оказалась очень громоздкой и тяжелой. Однако бросать эту работу мы не хотели. Вопрос шел об имевшихся в армии четырех миллионах винтовок, которые в случае успеха можно было переконструировать в автоматы. Естественно, каждый конструктор, раньше чем предлагать новый образец автомата, должен был сделать попытку переделать мосинскую винтовку.

Исключительная важность этой работы понята только в последнее время.

И все же от переделки мосинской винтовки пришлось отказаться.

Федоров предложил новую, совершенно оригинальную конструкцию автомата. Но, чтобы его сделать, требовалась длительная, упорная работа. Меня это не страшило.

В Федорове я нашел настоящего учителя и друга. Работать с ним было для меня наслаждением. Оба молодые, смелые и решительные, мы упорно пробивались к цели, мужественно перенося неудачи и разочарования. И, пожалуй, главной причиной успеха нашей совместной работы была все возрастающая и крепнущая дружба.

Мы делаем автомат

Работу над новой системой автоматической винтовки, предложенной Владимиром Григорьевичем Федоровым, мы начали в 1907 году.

Не стану сейчас подробно описывать систему первого образца русской автоматической винтовки. Она хорошо известна советским людям.

Каждую неделю Владимир Григорьевич приезжал ко мне. Я показывал ему готовые детали, и мы вместе проверяли их взаимодействие. Всякие зазоры и неполадки тут же устранялись, и работа быстро продвигалась вперед.

Я выполнял работу очень внимательно, стараясь даже в ничтожных мелочах не отступать от чертежей. Если мне удавалось что-нибудь упростить или усовершенствовать, я говорил об этом Федорову, и он от души хвалил меня.

Больше года проработал я над новым вариантом автомата Федорова, который ничем уже не напоминал мосинской винтовки. Этим я немало гордился: мы создавали новое русское оружие. А это — самое большое счастье для оружейника.

И вот настал час испытаний. На том же полигоне, где я когда-то обучал ефрейторов и солдат стрельбе из пулемета, собралась комиссия.

Стрелять из автомата было поручено мне. Чтобы был крепче упор, я лег на траву и прицелился в яблоко мишени.

— Пли! — скомандовал Федоров.

Я нажал спусковой крючок.

Автомат без задержки отбил полную очередь.

Члены комиссии переглянулись. А спокойный и сдержанный Федоров бросился ко мне и стал крепко пожимать руку.

Нас поздравляли, качали, благодарили.

Дальнейшие испытания показали, что в автомате очень слаба возвратная пружина, после долгой стрельбы она ослабевала и не могла задвигать затвор. Выяснилось и еще несколько мелких недостатков.

Комиссия признавала, что Федоров изобрел первый русский автомат, но предложила его доработать.

В Сестрорецке

В 1908 году, после вторичных испытаний автомата, Владимир Григорьевич предложил мне перебраться в Сестрорецк на военный завод, хорошее оборудование которого позволяло с большим успехом, нежели в мастерской, работать над автоматом.

Я поселился с семьей километрах в восьми от города, на станции Разлив, в тех местах, где впоследствии скрывался преследуемый Временным правительством Владимир Ильич Ленин.

На заводе я попал снова в рабочую среду. В ту пору я уже критичнее относился к царскому режиму. Да и рабочий класс за истекшие годы стал более организованным и активным. Вероятно, поэтому рабочие Сестрорецкого завода показались мне более передовыми, чем туляки. Среди них было много смелых, революционно настроенных людей. Вначале мне казалось странным, что они так прямо высказывают свои убеждения, и я даже сторонился таких людей, но потом подружился с ними и не раз был участником рабочих маевок, которые проводились в лесу у нас в Разливе. Собственно, для меня это была единственная возможность сближения с рабочими, так как из-за секретного характера моей работы общение с ними запрещалось.

В моем распоряжении теперь были станки и хорошие инструменты. Материалы тоже оказались лучшего качества, чем те, которыми располагала ораниенбаумская опытная мастерская. Здесь я начал работать над пружиной для автомата из прочной и упругой стали. Подогнать ее длину оказалось не так просто: то она оказывалась слишком сильной, то, напротив, слабой. Тут я вспомнил слова отца, что пружина — самая главная часть в винтовке. Силу пружины удалось определить путем многих экспериментов, и автомат стал работать безотказно.

На Сестрорецком заводе работал также хорунжий Токарев. Он тоже создавал автоматическую винтовку, и между нами шло негласное соревнование. Еще в Ораниенбауме я много слышал о Токареве, даже видел этого высокого казачьего офицера, о котором уже шла слава как о хорошем изобретателе.

Мы много лет работали в одном корпусе, довольно много знали друг о друге, но не встречались.

Познакомиться с Токаревым, поговорить с ним о работе было невозможно: мы оба делали секретную работу, и общаться нам запрещалось.

Токарев—донский казак. Оружейному мастерству он обучался с юности, постигая тайны искусства в кузнях родной станицы.

Окончив в Новочеркасске ремесленную школу, он попал в солдаты и служил в казачьем полку оружейным мастером. Ему удалось поступить в Новочеркасское военное училище и выбиться в офицеры.

Еще в Ораниенбауме, когда Токарев учился в офицерской школе, он закончил первый вариант своей автоматической винтовки, которая получила одобрение высшего начальства.

Выпуск офицеров Ораниенбаумской школы был представлен в Петергофском дворце царю Николаю II. Царь шел по фронту и пожимал руки выпускникам.

Когда он подошел к Токареву, кто-то из сопровождавших генералов шепнул царю, что этот подъяесаул изобрел автоматическую винтовку.

— Надо подъяесаулу помочь! — промямлил царь и проследовал дальше.

Сколько, однако, ни бился Токарев, его винтовка так и не была принята в производство. Свое изобретение он реализовал лишь в годы советской власти.

Не менее примечательный случай произошел с Владимиром Григорьевичем Федоровым. Уже будучи полковником, он преподавал в Михайловском артиллерийском училище. Однажды во время занятий в аудитории вошел царь Николай II, сел рядом с юнкерами и стал слушать.

В перерыв он подошел к Федорову и спросил:

— Вы изобрели автоматическую винтовку?

— Я, ваше величество, — ответил Федоров.

— Я против ее применения в армии, — сказал царь.

— Разрешите узнать, почему?

— Для нее нехватит патронов! — отрезал царь и зашагал к выходу.

Вряд ли нужны дополнительные комментарии для характеристики масштабов, какими мыслил государь Российской империи накануне первой мировой войны.

Читатель, знакомый с тем, какие чудеса совершали советские конструкторы в годы Великой Отечественной войны, когда новые системы пушек, самолетов, даже танков создавались и выпускались в массовом количестве в течение месяцев, безусловно, будет недоумевать: почему же мы так долго делали простой автомат?

Но ведь мы-то работали в другое время и в других условиях...

Сейчас, когда за нашими работами неустанно следят партия и советское правительство, направляют наш труд, помогают нам во всем, создавая все условия для творческой работы, для развития конструкторской мысли,— работа наша легка и радостна.

Тогда же не было системы планового хозяйства. Не было ни Магнитогорска, ни Кузнецка, ни Электростали. Откуда мы могли получить легированные стали, добыть точнейшие станки и инструменты?

Мы начали делать свой автомат, когда в Ораниенбауме были большой редкостью электричество, автомобиль или самолет. Не удивительно, что на изготовление автоматической винтовки потребовались годы упорного труда.

Автомат, в сущности, давно уже был готов. Но в нем оказалось еще много мелких недоделок, и мы трудились над их устранением.

Прекрасное с виду ложе нашего автомата при длительной стрельбе сильно перегревалось и коробилось, мешая скольжению ствола. Попытки склеивать ложе из разных древесных пород ни к чему не привели.

— Подождите! — сказал однажды Федоров. — А почему бы нам не попробовать асбестовую прокладку, ведь асбест теплопроводен.

Попробовали. Пока стреляли, все шло прекрасно, а на другой день опять увидели покоробленное ложе: асбест задержал тепло в себе, но потом передал его дереву.

Мы долго бились над ложем, пока не пришли к простому решению: заменить деревянное цевье железным.

Все недостатки, казалось, были устранены, автомат стрелял безотказно из любого положения и сколько угодно. И все

же его снова забраковали: выбрасывание блестящих гильз вверх демаскирует солдат.

Мы задумались.

Выбрасывать гильзы вниз практически невозможно, назад опасно, в бок неудобно. Оставалось одно решение: выбрасывать гильзу вперед.

«Вперед, так вперед!»—принялись мы снова за работу. Но устроить выбрасывание гильзы вперед оказалось не таким-то простым делом. Я верил в изобретательный ум Федорова. Признаюсь, у меня были тоже кое-какие соображения, но я не высказывал их Федорову, потому что был уверен: Владимир Григорьевич придумает что-нибудь лучшее. Дела у меня временно приостановились. И я, признаться, этому даже обрадовался: в последние месяцы почти совсем не уделял внимания семье. А у меня уже были пятилетний сын Шурик и две маленькие дочки.

Я занялся снастями, собрался с вечера на рыбалку со старым товарищем по работе, оружейным мастером и изобретателем оружия Ращепеем. Прихватив моего младшего брата Ивана, жившего со мной и работавшего на заводе, мы махнули на ту сторону Разлива.

Там наловили рыбы, сварили уху, подзакусили, выкупались,—одним словом, славно провели денек и еще до заката солнца успели домой.

Только причалили к берегу, а уж меня там ждет посыльный с завода.

— Жду,— говорит,— часа четыре. На заводе вас обыскали. Федоров приехал, вы дозарезу нужны.

Я взглянул на часы — да бегом на поезд, даже переодеться не стал. Приезжаю. А Владимир Григорьевич, веселый такой, смеется:

— Придумал,— говорит,— с выбрасыванием гильз, теперь полетят вперед,—и показывает мне чертеж.

Смотрю, придумано замечательно.

Уехал Владимир Григорьевич довольный. Гляжу, дня через два он опять здесь. Волновался больше меня.

Вот когда пришлось поработать. Ночей не спал. Семью забросил. Но сдаваться теперь было стыдно. Пять лет прошло в упорном труде. Победа лежала у наших ног. И мы не жалели усилий.

Через два месяца переделка в конструкции была мною сделана, и гильзы стали вылетать вперед.

Первый русский автомат, сконструированный Владимиром Григорьевичем Федоровым и сделанный моими руками, работал исправно, и хотя он не был еще принят на вооружение русской армии, Сестрорецкому заводу поручалось сделать 150 экземпляров автомата для войсковых испытаний.

Прошло, однако, еще много времени, прежде чем удалось реализовать изобретение Федорова. Это произошло уже в годы советской власти.

Прерванная работа

Работы наши по усовершенствованию нового образца автоматической винтовки продолжались. Владимир Григорьевич уже разработал и новый мелкокалиберный патрон более рационального, нежели у штатного патрона, устройства. В 1913 году испытание винтовки и патрона дало отличные результаты. Было заказано 200 тысяч патронов и 20 винтовок испытанного образца. Все как будто налаживалось. Однако объявление войны в 1914 году сразу прекратило все наши опыты. Различные полуфабрикаты изготовленных винтовок были сложены в ящики и сданы на склад. Федорова немедленно командировали в Японию для закупки иностранного оружия, а я поступил мастером на завод. Работа моя в этот период была мало интересна.

Многолетнее содружество с Владимиром Григорьевичем Федоровым подготовило меня к самостоятельной работе. Я в совершенстве изучил все известные в то время оружейные системы, познал основные принципы и тайны оружейной автоматике. У Федорова я прошел своеобразную изобретательскую и техническую школу.

Помимо практической работы над автоматом я получил от Владимира Григорьевича и большие теоретические познания. В 1906 году Владимир Григорьевич издал свой труд «Основания устройства автоматического оружия» — единственное в то время пособие по оружейной автоматике. Эта книга, подаренная мне Владимиром Григорьевичем, на многие годы стала моим первым учебником.

Я поставил перед собой задачу сконструировать прочный, легкий и удобный автоматический карабин. Мелькали у меня мысли и о пулемете, но для начала я остановился на карабине.

Работать над своим изобретением я мог только после работы. Это было нелегко. Даже если б в рабочее время я ничего не делал, то все равно непрерывный десятичасовой шум цеха снижал бы мою работоспособность. Но дела в цеху было достаточно, брался я за свой карабин обычно утомленным, измученным. К концу недели я совершенно выбивался из сил. Родные настаивали, чтобы я бросил эту затею. Но я решил довести дело до конца.

Воскресный день я всегда проводил в лесу, на берегу реки. Чудесная русская природа словно наполняла меня свежими силами, прогоняла усталость и хворь.

Я очень любил рыбную ловлю и охоту, а собирать грибы — моя страсть.

Если выдавался хороший день, мы отправлялись большой компанией за грибами. Возвращались домой под вечер с полными кузовами.

Жизнь проходила в тяжелой работе, и потому даже такой краткий отдых казался счастьем. Ведь культурные развлечения — театр и кинематограф — были тогда недоступны рабочему человеку.

Две заветные мечты овладели мною: создать автоматический карабин и построить небольшой домик. У меня росло уже четверо детей, и мало того, что таскаться с ними по частным квартирам было тяжело и неудобно, хотелось при домике разбить огород, посадить небольшой садик и зажить по-человечески, в своем углу, ни от кого не завися.

Владимир Григорьевич Федоров часто утешал меня:

— Вот получу премию за автомат, разделим ее пополам, тогда постройте домик и заживете лучше!

Но с войной рухнули всякие надежды и на премию и на домик. На скопленные мною деньги я купил участок около Разлива, но на домик так и не смог заработать.

Чтобы не возвращаться к этому, скажу, что премию В. Г. Федоров получил уже в 1922 году от советского правительства, действительно поделил ее со мной, и это дало мне возможность приобрести домик.

Продолжать работу над автоматическим карабином по вечерам было очень тяжело. Моя попытка предложить изобретение заводу окончилась неудачей. Директор завода, генерал Залубовский, терпеть не мог изобретателей самоучек. От

изобретателя он отделался легко и просто. По его приказу я был командирован в Ораниенбаум, где требовался опытный оружейный мастер.

Снова я переехал в Ораниенбаум с семьей и поселился в пустовавшей сторожке имения старого отставного генерала Ставского. Сторожка стояла в стороне от дороги, жили мы тихо и мирно. Жена перевезла с собой все хозяйство с курами и гусями, а я еще прикупил ей пару индюшек.

Для семьи этот тихий уголок оказался очень хорош. Дети целыми днями были на воздухе.

Мне поручили сделать для полигона, на котором я когда-то обучал солдат стрельбе из пулемета, движущиеся мишени. Ни чертежей, ни рисунков у начальства не было, а работа была срочная.

Движущихся мишеней, по-моему, в то время вообще не существовало. Их следовало создавать заново, а это уже походило на изобретение.

Я решил: дай, попытаю свои силы. Прикинул, как проще и легче, и представил свой чертеж.

Начальник полигона Филатов, хорошо помнивший меня, не стал долго рассматривать чертеж, а сказал:

— Давай делай, Дегтярев, как считаешь нужным, я на тебя надеюсь.

Однажды возвращаясь к себе в сторожку, слышу какой-то крик. Взглянул из-за кустов, а у дома жена и дети плачут в голос, тут же ходит мелкими шагами багрово-красный обрюзгший генерал Ставский и сердито шамкает:

— Негодники, индюков развели! И меня, генерала, дразнят. Да вы знаете ли, кто я? Да я вас!.. Чтоб сегодня же не было негодной птицы. Терпеть не могу эту тварь!..

Накричавшись вдоволь, он ушел. А я, опасаясь неприятностей, велел прирезать индюшек. И опять призадумался о домике, где мог бы жить так, как мне нравится.

Я выписал из Тулы отцовский токарный станок и очень обрадовался старому другу моей юности, а при возвращении в Сестрорецк увез его с собой. Теперь уж грозный директор завода был мне не страшен, я мог спокойно работать дома над своим карабином. Примерно через год, то есть в 1916 году, мне удалось завершить свое изобретение.

Сделанный мною автоматический карабин получил хороший отзыв В. Г. Федорова, вернувшегося к тому времени из Японии, но продвинуть его в производство до Великой Октябрьской революции мне так и не удалось.

Великие дни

Война длилась уже четвертый год. Страна страдала от разрухи. Печальные вести приходили с фронта.

В начале 1917 года под руководством большевиков вспыхнули стачки рабочих в Петрограде, Москве, Баку и других городах. Никакие меры полиции и жандармерии не могли подавить возмущения. Стачки охватывали все больше и больше заводов.

Однажды морозным утром гулко заревел гудок нашего завода. Рабочие высыпали из цехов и, высоко подняв алые знамена и плакаты с надписями: «Долой самодержавие!» «Долой войну!» — двинулись по главной улице Сестрорецка.

Немногочисленная полиция города, увидев огромную толпу рабочих, растерялась и даже не попыталась нам мешать.

Мы громко пели:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног.
Нам не нужно золотого кумира,
Ненавистен нам царский чертог.

Толпа демонстрантов все росла и росла. Из домов выходили мужчины и женщины и присоединялись к нам.

Я тоже шагал и шел вместе со всеми. Вдруг кто-то схватил меня за руку. Обернувшись, я изумился. Это был мой старший сын Шурик. Ему шел в ту пору одиннадцатый год.

— Папа, я тоже пойду с вами. Можно?

Хотя наша демонстрация могла закончиться плохо, отказать ему не было сил.

— Давай руку, Шурик! — и мы пошли рядом.

Вдруг из-за поворота выскочила группа городских во главе с исправником.

— Стой, остановись, будем стрелять! — заревел исправник.

Но толпа опрокинула их, смяла и заглушила дикие крики стройной песней:

На бой кровавый,
Святой и правый
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

26 февраля (11 марта по старому стилю) 1917 года в Петрограде 4-я запасная рота Павловского полка присоединилась

к рабочим и открыла огонь по городовым. Вслед за этим началось массовое братание солдат с восставшими рабочими.

В тот же день Бюро Центрального Комитета большевистской партии выпустило манифест с призывом к продолжению вооруженной борьбы против царизма, к созданию временного революционного правительства.

На другой день в Сестрорецке стало известно, что царское правительство низложено; в городе заседал ревком, а в ночь рабочие дружины нашего завода и восставшие солдаты арестовали воинское и городское начальство. Власть перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов.

Меньшевики и эсеры, предавшие интересы революции и пошедшие на сделку с буржуазией и помещиками, не смогли обмануть рабочих. Рабочие верили только своей партии — партии большевиков и ее центральному органу — газете «Правда».

В моей памяти на всю жизнь сохранились воспоминания о первых днях Октябрьской революции. Утром 25 октября (старого стиля) я приехал в Петроград, чтобы повидать Федорова. Постояв минут двадцать на остановке и не дождавшись трамвая, я по примеру других отправился пешком.

И чем дальше я шел, тем чаще попадались мне навстречу отряды вооруженных рабочих и матросов в пешем строю и на грохочущих грузовиках. «Что-то готовится», — подумал я, но спросить было не у кого.

Вдруг на улице, по которой я шел, послышалась стрельба, засвистели пули. Кто в кого стреляет, понять было невозможно. Я пригнулся, добежал до угла и устремился через площадь.

С крыши одного из домов застрочил пулемет. Я бросился к стоящему на площади памятнику и укрылся за ним.

Прошло минут десять. С противоположной стороны площади к дому, из которого стреляли, с криками «ура» бросились рабочие и матросы.

Затрещали винтовки и пулеметы, заухали ручные гранаты. Не прошло и пяти минут, как стрельба смолкла, и над крышей высокого здания взвился алый флаг.

Скоро из двора дома вышло много вооруженных людей. Вышли строем, как солдаты. Среди них я разглядел рабочих и интеллигентов, матросов и солдат.

Они шагали прямо через площадь.

— Запевай! — скомандовал шагавший сбоку высокий молодой парень в кожаной тужурке. И отряд грянул:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе!
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе!

Отныне вся власть принадлежала Советам. Я не стыдился слез радости: теперь нам, детям рабочих, будут открыты все пути к светлой, радостной жизни. Теперь мне, изобретателю из народа, будет для кого работать!

В солдатской теплушке

Как и для всех рабочих России, Октябрьская революция была великой радостью для меня. Но как отнесется к пролетарской революции мой учитель и друг, Владимир Григорьевич Федоров, я не знал, и эта мысль меня глубоко волновала. К началу революции ведь он был не только изобретателем, но и генералом царской армии.

Сомнения мои разрешились очень быстро. Федоров сам нашел меня в Сестрорецке. Он приехал радостный, возбужденный и сказал, что советская власть предоставит нам возможность для широкой изобретательской деятельности. Федоров был одним из тех немногих генералов царской армии, которые сумели увидеть в пролетарской революции великую прогрессивную силу, способную преобразить старую Россию и создать счастливую и радостную жизнь для миллионов трудящихся.

Молодому советскому правительству, возглавляемому великим Лениным, пришлось с первых же дней прихода к власти повести жестокую борьбу с белогвардейцами и интервентами.

На Страну Советов наступал империалистический мир. Юная Советская республика, в наследство которой достались пораженные разрухой народное хозяйство и транспорт, должна была организовать оборону на многих фронтах собственными силами и средствами.

Меня и Федорова вызвали в Смольный. Нам предложили немедленно выехать из Сестрорецка для организации опытной оружейной мастерской.

Стояла холодная и голодная зима 1918 года. Попасть в поезд, отправляющийся на юг или восток, было почти невозможно. Поезда ходили нерегулярно и были забиты ранеными, демобилизованными и многочисленными посланцами от заводов и фабрик, едущими за хлебом.

Я пошел на вокзал. На моих глазах отправились один за другим два поезда. Мне стало не по себе: несмотря на жестокий мороз, люди ехали на крышах вагонов, на подножках, на буферах. Как же попасть в такой поезд с кучей малолетних детей? Что придумать?

Федоров остался хлопотать в Питере, а я отправился в Сестрорецк, чтобы подготовить семью к отъезду.

Пробираясь домой по станционным путям, я заметил в тупике поломанный товарный вагон, осмотрел его и решил, что вагон можно починить.

Начальник станции, к которому я тут же направился, ознакомился с моими бумагами и разрешил взять вагон. Обработанный, я бросился прямо на завод, отыскал своих друзей и попросил их помочь мне отремонтировать вагон.

В тот же вечер, вооруженные необходимыми инструментами, мы взялись за починку вагона. Через два дня он был уже готов. Рабочие где-то раздобыли печечку-буржуйку, устроили нары, принесли топливо: старые доски и несколько ведер угля. Больше того: так как лошадь достать не удалось, они помогли мне перевезти на санях и погрузить в теплушку весь наш скраб.

Я был глубоко растроган заботой своих товарищей и горячо благодарил их.

Теплушку вскоре прицепили к дачному поезду, и мы приехали в Петроград.

Федорову я отправил две телеграммы, а все же опасался, как бы он не раздумал с отъездом и не остался в Питере. Но оказалось, что он нас ждал.

Я помог Федорову перевезти его вещи. Поднялась метель. Дул пронзительный, леденящий ветер с колючим снегом. Руки и лицо леденели от стужи, но нам нужно было поторапливаться, чтоб успели прицепить нашу теплушку к стоящему под парами поезду. Теплушка находилась далеко от вокзала на путях. Мы грузились не с платформы, а с земли, было высоко и неудобно. Хорошо, у Федорова вещей оказалось немного. Наконец мы задвинули тугую скрипучую дверь, затопили буржуйку, поставили чайник и понемногу отогрелись.

Часа через два теплушку прицепили к составу, раздался хриплый гудок паровоза, и состав, громыхая и лязгая, медленно двинулся на восток.

— Что-то нас ждет впереди?— задумчиво проговорила супруга Федорова...

Не прошло и получаса, как наши семьи, перезнакомившись, мирно попивали чай из большого медного чайника, а мы — бывший солдат и бывший генерал, — примостившись у буржуйки, рассуждали о том, как быстрее наладить производство оружия для молодой Красной Армии...

На другой день выяснилось, что состав задерживается. Это нас очень огорчило, но комендант эшелона объяснил: «Николаевская дорога забита — идут лишь воинские грузы».

Мы были бессильны что-либо изменить. Около месяца окольными путями добирались мы до места назначения — тихого завьюженного городка.

Жизнь здесь по сравнению с голодным Питером показалась нам раем. На базаре было вдоволь хлеба и мяса, а цены оказались настолько низкими, что мы сразу же воспрянули духом и могли целиком отдаться работе.

Но мастерская нас разочаровала. К тому же хозяйева ее, убегая, увезли с собой всю документацию.

Мы обратились в уездный комитет партии и с его помощью собрали находившихся в городе рабочих.

Большинство рабочих оказались опытными, высококвалифицированными мастерами. Скоро мы приступили к выполнению боевого задания правительства.

Советские автоматы Федорова были нашим первым серьезным вкладом в вооружение красных полков, сражавшихся на многочисленных фронтах гражданской войны.

У М. В. Фрунзе

Началась новая жизнь, которая раньше могла мне только присниться. Советская власть предоставила в мое распоряжение опытную мастерскую, где я мог свободно изобретать. А самое главное, теперь передо мной открылась ясная цель — работать для своего свободного народа, для своего рабоче-крестьянского государства. Я знал, что любое мое изобретение будет поддержано и государство всегда окажет мне необходимую помощь.

Как только окончилась гражданская война, как только были изгнаны с Дальнего Востока последние интервенты — японские самураи, — я задумался над осуществлением давней мечты. А мечта эта состояла в том, чтобы создать отечественный образец пулемета, который превосходил бы все заграничные системы.

Я вычерчивал на бумаге различные варианты сцепления и загорания—основы основ автоматического оружия. Вспоминал и пересматривал заново все известные мне системы пулеметов, анализировал их достоинства и недостатки, настойчиво искал пути к созданию своей системы, которая была бы проста и надежна.

Поиски и раздумья длились больше года, но не дали реальных результатов. Я не огорчился, так как знал, что большие изобретения создаются годами.

Начатая мною работа убедила лишь в одном: как нельзя строить пулемет,— и подсказала, в каком направлении следует продолжать поиски и экспериментирование.

В 1924 году, когда в мыслях уже стали складываться более или менее ясные очертания моего изобретения, нас с Федоровым неожиданно вызвали в Москву, к Михаилу Васильевичу Фрунзе.

Михаил Васильевич принял нас очень тепло: долго и подробно расспрашивал о работе, о планах на будущее, о наших замыслах. Хотелось высказать ему свои мечты о русском пулемете, но он, словно угадав мои мысли, сам заговорил об этом. Смысл его речи заключался в том, что Красной Армии крайне нужен легкий, прочный и надежный пулемет. Создать такой пулемет должны мы, советские изобретатели. Государство окажет нам любую помощь.

Беседа с Михаилом Васильевичем Фрунзе произвела на меня глубокое впечатление. Его пожелание — создать отечественный пулемет — я воспринял как боевое задание. Встреча с Михаилом Васильевичем ободрила меня и заставила смелее взяться за осуществление своей давнишней мечты.

Вернувшись к себе, я занялся воплощением своих чертежей пулемета в металле. Не приходится говорить, что поддержка моего друга и учителя была обеспечена. Я имел право привлекать к своей работе других мастеров оружия, работавших в опытной мастерской. Однако я этого не делал, так как не был уверен в успехе своего изобретения. «Буду все делать сам,— решил я,— как делал автомат Федорова. И в случае неудачи пусть ругают меня одного».

После кропотливых расчетов и раздумий я твердо решил отказаться от подвижного ствола, примененного в автомате Федорова, и создать пулемет с неподвижным стволом, который действовал бы на принципе отвода пороховых газов.

Эту идею я вынашивал годами и теперь окончательно убедился в правильности ее. Но облечь свою мысль в металл, придумать простую и прочную конструкцию было не так-то легко. Я очень увлекся работой, сделал несколько моделей затворной рамы и заметил, что каждая новая модель получалась совершенней предыдущей. Наконец последнюю из моделей я решился показать своему учителю.

Владимир Григорьевич внимательно и чутко отнесся к моей работе. Он с величайшей осторожностью указал мне на некоторые недочеты, но в целом отозвался о модели похвально и стал торопить меня с изготовлением остальных частей пулемета.

Обрадованный похвалой Федорова, я окончательно поверил в успех и остальные детали делал уже смелее.

Наконец модель была сделана. Пулемет получился не тяжелым, прочным, но при стрельбе сильно дрожал ствол — ему недоставало упора.

Казалось бы, упор — мелочь, а придумать его оказалось делом сложным. Упор получался то слабым, то непрочным, то тяжелым.

После многих экспериментов я придумал удобный, прочный и надежный, облегченный упор-сошку.

С изготовлением упора пулемет был окончательно готов. Стендовое испытание на заводе выявило еще кое-какие мелкие дефекты. Устранив их, мы снова испытали пулемет.

В Москву была отправлена телеграмма о том, что первая модель русского ручного пехотного пулемета закончена и может быть представлена на испытание.

Первый дебют

Поздней осенью 1925 года я выехал в Москву. Пассажирский поезд, отяжеленный товарными вагонами, шел медленно. Стояла хмурая ночь. Дождь уныло стучал в стекла, навевая тоску. Я сидел на скамейке, задумавшись, от времени до времени поглядывая на массивный ящик, положенный в проходе между сиденьями. Шумные пассажиры, среди которых было, очевидно, немало спекулянтов и торговцев (это было в расцвет нэпа), косились на мой ящик. А один даже прямо спросил меня, что за товар я везу в ящике.

Этим коммерсантам и в голову не могло придти, что человек в скромном, поношенном пальто и барашковой шапке — изобретатель, а в массивном ящике лежит первый русский пулемет.

Я и двое товарищей, сопровождавших меня, везли на испытания нашу первую модель отечественного пулемета.

«Как-то проявит себя пулемет?» — не оставляла меня тревога. Хотя я был глубоко уверен в добротности своей машины, все же меня томило какое-то тяжелое предчувствие.

С вокзала мы на извозчике добрались до полигона, где были назначены испытания.

В этот день должен был испытываться еще один пулемет, но чей, нам не сказали. Мы заняли место под желтой, полуосыпавшейся березкой. Собрали и установили пулемет.

Недалеке от нас, у другой машины, было много военных. Среди них я узнал высокого, худощавого человека с нависшими усами — это был мой старый знакомый, изобретатель Токарев. Рядом с ним стоял другой изобретатель, Колесников, которого я тоже знал по Ораниенбауму и Сестрорецку.

«Очевидно, будут испытывать их машину», — подумал я.

Появилась правительственная комиссия. В группе военных в высоких шлемах и длинных шинелях с широкими красными петлицами на груди я узнал легендарного полководца Красной Армии, Семена Михайловича Буденного.

Он поздоровался с нами, осмотрел оба пулемета и распорядился приступить к испытаниям.

Впереди поставили щиты с мишенями. Я лег у пулемета, ожидая команды.

— Огонь! — прозвучал чей-то громовой голос, и оба пулемета затрещали.

— Отставить! — скомандовал тот же голос. — Смените мишени.

Ко мне подошел товарищ Буденный:

— Разрешите-ка, попробуем ваш.

Я смутился и робко сказал:

— Пулемет не пристрелян, Семен Михайлович.

— Это ничего! — он склонился над пулеметом и дал очередь.

— Доставить мишень! — раздалось над полигоном.

— Есть! — ответили с другого конца, и красноармеец быстро доставил мишень.

Семен Михайлович развернул пробитый лист мишени и довольно улыбнулся в усы:

— Вот тебе и не пристрелян.

Я с волнением взглянул на мишень. Пули легли в яблоко и густо вокруг него.

— Пока хорошо идет,—сказал Семен Михайлович,—посмотрим, что будет дальше.

Начались испытания на живучесть. Каждому пулемету нужно было до смазки сделать положенное число выстрелов.

Ободренный похвалой товарища Буденного, я приготовился к дальнейшему состязанию. Но тут случилось нечто страшное. Не сделав и половины положенных выстрелов, мой пулемет умолк.

Подбежали товарищи:

— Что случилось, Василий Алексеевич?

Я разобрал пулемет и с досадой махнул рукой.

— Неужели нельзя исправить? — спросили они.

— Сломался боек. Об исправлении не может быть и речи.

А пулемет Токарева и Колесникова продолжал трещать. Этот треск болью отдавался в моем сердце.

Было очень обидно, что мой пулемет выбыл из испытаний по такой нелепой причине. Ведь в непрочности бойка был не столько виноват я, сколько плохое качество стали.

Ко мне снова подошел товарищ Буденный и, узнав о причине поломки, попытался утешить меня:

— Не расстраивайтесь, товарищ Дегтярев, боек сделать проще всего. Через некоторое время мы снова испытаем вашу машину, и, если вы еще поработаете над ней, она, безусловно, выдержит все испытания.

Его слова успокоили меня. Я отправился домой, полный решимости довести свое изобретение до совершенства.

Всю дорогу я бодрился, но как только приехал в мастерскую, мне стало не по себе. Что я скажу Федорову, что отвечу товарищам по работе?

А Федоров уже обо всем знал.

— Не волнуйся, Василий Алексеевич. Я считаю, что твой первый дебют был неплохим. А не случись этой дурацкой поломки, пулемет, несомненно, получил бы хорошую оценку.

Я молчал, опустив голову.

— А вспомни, как было с моим автоматом, сколько раз мы испытывали его и сколько раз снова брались за переделки. Изобретательство—дело серьезное, и никогда не нужно бояться мелких неудач.

— Что же вы посоветуете мне, Владимир Григорьевич?

— Работать и работать. Я бы посоветовал сделать не только новый боек, а совершенно новую модель, даже две, внести

в пулемет много новых усовершенствований, и он станет еще лучше.

— Спасибо, Владимир Григорьевич, я завтра же возьмусь за работу!

Поиски лучшего

Я снова стал к верстаку, пытаюсь со стороны посмотреть на свое изобретение, увидеть в нем те недостатки, которых не замечал раньше. Очень помогли мне в этом критические замечания Владимира Григорьевича.

— Думай над каждой деталью,— говорил он,— старайся ее упростить, облегчить и в то же время сделать более прочной.

Я присматривался к своему пулемету, словно он был чужой.

Как предельно упростить механизм? Я стал объединять усложнявшие конструкцию мелкие детали. И действительно, получилось так, что вместо изготовления нового бойка я взялся за изготовление новой модели пулемета. Причем точно такую же модель изготавливали мои помощники.

Для своей машины я сам обрабатывал детали: сверлил, точил, фрезеровал. Сам доводил и пригонял, сам шлифовал и шабрил рабочие поверхности механизма. Это была черная и тяжелая работа, но она увлекала меня и доставляла мне истинное удовольствие. Я никогда не чувствовал усталости, хотя работал, не считаясь со временем.

Жена не раз приходила за мной и вводила меня обедать. Затем, убедившись, что это отнимало у меня много драгоценного времени, она приобрела судок и стала приносить обед прямо в мастерскую.

Работа над пулеметом напоминала мне работу над автоматом Федорова, когда все детали тоже я изготавливал сам. Но разница заключалась в том, что в ту пору детали делались мною по чертежам Федорова, а теперь я создавал их самостоятельно. Я был полным хозяином своей машины, изобретателем, творцом. Любую деталь я мог видоизменить и улучшить или из двух деталей сделать одну. Вместе со мной работали опытные мастера и инженеры, у которых я мог получить консультацию и помощь, и они рады были бескорыстно сделать все, чтобы работа увенчалась успехом. Ведь все мы жили и работали в советском государстве. Всех нас объединяло желание служить нашему родному свободному государству, нашему народу.

Работая над своим изобретением, я смело экспериментировал, без страха, что меня выгонят за неудачу, без боязни, что мне нехватит материалов или средств. Напротив, я был спокоен и уверен в том, что государство поможет мне и всему нашему коллективу завершить работу.

Почти два года продолжалась работа над новой моделью пулемета. Но зато новый пулемет во всех отношениях превосходил первую модель. Это сразу же отметил Владимир Григорьевич Федоров.

Я гордился тем, что мне удалось уменьшить вес новой модели. Мой пулемет весил восемь с половиной килограммов, и каждый боец мог легко носить его за плечами.

Осенью меня снова вызвали в Москву.

Тот же знакомый полигон с потемневшими березками. Под березками две группы военных у новых пулеметов.

Нам отводят место по соседству. Земля сыровата, но мы подстилаем листы фанеры и устанавливаем пулемет.

Одновременно с нашей машиной испытывалась новая модель, представленная Токаревым, и немецкий пулемет Драйзе.

Испытывать начали все модели одновременно. Я, как и в прошлый раз, сам лег у пулемета.

Вначале стреляли по мишеням, чтоб определить меткость и рассеивание пуль.

Я был на полигоне единственным штатским человеком, и, видимо, моя фигура, лежавшая на фанерном листе у пулемета, не привлекала внимания членов комиссии: они толпились у других пулеметов.

Но как только были просмотрены мишени, члены комиссии подошли ко мне. Оказалось, мой пулемет показал наименьшее рассеивание пуль и наибольшую меткость.

Началось испытание на живучесть. Пулеметы трещали, как заводные, стихая лишь на короткое время для перезарядки.

Увлечшись стрельбой и оглушенный трескотней, я не услышал команды «поставить на охлаждение», которая раздалась после трехсот выстрелов, и продолжал стрелять.

Наблюдавший за моим пулеметом командир, очевидно, тоже не слышал команды и продолжал отмечать в своем блокноте: четыреста выстрелов, четыреста пятьдесят, пятьсот, пятьсот пятьдесят...

— Отставить! — раздалось у меня над ухом, и чья-то рука схватила меня.

— Отставить! Была команда!

Я перестал стрелять и поднялся.

— На охлаждение! — крикнул мне в ухо военный и, обратясь к наблюдавшему за стрельбой командиру, спросил: — Сколько?

— Пятьсот восемьдесят выстрелов!

Опять подошли члены комиссии, осмотрели, ощупали пулемет.

— Двойную норму отстрелял без охлаждения!

— Отлично! Посмотрим, сколько он протянет без смазки.

— А когда же полагается смазка? — спросил я командира.

— После шестисот выстрелов.

— Так мне же осталось всего двадцать.

— Точно!

— Приготовиться к стрельбе! — раздалась команда.

— Огонь!

Я нажал на спусковой крючок.

Счетчики выкрикивают:

— Четыреста... Четыреста пятьдесят, пятьсот!..

Вот токаревский пулемет захлебнулся. Конструктор бросился к нему. А мой и Драйзе продолжали упорный поединок.

— Какой победит: «немец» или «русский»?

Этот вопрос, очевидно, задавали себе многие из присутствующих.

Они с напряжением смотрели на оба пулемета... Ждали. Ждали, волнуясь, словно следили за поединком людей, а не машин...

Вдруг Драйзе захлебнулся, потом сделал еще несколько выстрелов и умолк.

Я оглянулся, словно не поверил своим ушам, и, обрадованный, продолжал с ожесточением бить по остаткам мишени.

О чем говорили надо мной члены комиссии, я не слышал. До меня доходил только треск пулемета, я видел остатки разбитой мишени.

— Сколько? — услышал я голос начальника комиссии.

— Две тысячи шестьсот сорок шесть выстрелов, — доложил командир.

— Отставить! — крикнул начальник. — В мире еще не было таких рекордов!

Я поднялся. После короткого перерыва испытания возобновились.

Пулеметы купали в воде, забрызгивали грязью, на них тряхивали пыльные мешки и опять приводили в действие.

Токарев, исправив легкое повреждение, снова стал грозным соперником. Работал и «немец», хотя тяжело, с заеданием, с одышкой. Ему не под силу оказались такие испытания. Скоро он сдал окончательно и был снят с испытаний.

На этот раз не повезло и Токареву. А мой пулемет, на удивление всей комиссии, работал безупречно. Он сделал больше двадцати тысяч выстрелов без единой поломки.

Это была победа. Меня представили Клименту Ефремовичу Ворошилову.

Климент Ефремович, поздравив меня, пожелал новых успехов в работе.

Ускоренная съемка

Пулемет мой был хорошо принят в армии. Я получил много поздравительных писем от бойцов и командиров.

Однажды я получил письмо от летчиков. Они просили меня приспособить пехотный пулемет для самолетов, вооруженных устаревшими английскими пулеметами Льюиса.

Я пришел с этим письмом к начальнику нашей мастерской.

— Бывают же совпадения! — сказал он. — А я только что получил официальное письмо, в котором изложено такое же требование.

— Что ж, я с удовольствием возьмусь за эту работу.

— Отлично! Полагаю, что для начала, очевидно, неплохо было бы побывать на аэродроме и взглянуть на самолеты.

— Да, это было бы хорошо! — ответил я.

— В таком случае поедemте вместе!..

Через час — полтора мы уже были на военном аэродроме.

Я внимательно осмотрел кабину самолета и убедился, что без коренной переделки приспособить для авиации мой пулемет невозможно.

Измерив кабину самолета, я определил, какую площадь должен занимать в ней пулемет.

Возвращались молча. Я был погружен в раздумье. Мне очень живо представились самолет и летчик, управляющий им во время боевого вылета.

— Что это вы там бормочете? — спросил мой спутник.

— Выполняю задание, — шутливо ответил я.

— Ну и как?

— Пока что решил заменить диск, вернее, сделать его меньшим по габаритам, но большим по вместимости.

— Так, значит, первый шаг сделан. Отлично!

Я спешно начал готовить модель. Теперь у меня и у моих помощников был немалый опыт. Модель мы сделали быстро и удачно. На испытаниях она показала хорошие результаты.

Мы приехали на аэродром и установили новый пулемет в кабине самолета. Пулемет и там работал безотказно. Но возник вопрос, куда девать отработанные гильзы. Выбрасывать их в кабину было опасно: они могли заклинить управление и вызвать аварию. Летчики забеспокоились. Выходило, что совершенно готовый пулемет они не могли применить.

— Не беспокойтесь, товарищи, — успокоил я, — мы упрячем гильзы в мешок, который приспособим к пулемету.

— Правильно, правильно! Это простой и легкий выход из положения! — согласились летчики.

Я поручил изготовить брезентовый мешок для гильз.

Мешок сделали по моему чертежу. Его прикрепили к пулемету и дали очередь. Пустые гильзы, звеня, сыпались в мешок.

— Продолжайте стрельбу, — скомандовал я и стал наблюдать.

Гильзы вначале падали хорошо, а потом вздыбились, перемешались и застряли в горловине мешка.

— Отставить, не годится!

Я велел сделать для мешка проволочный каркас и придать ему форму воображаемой траектории полета гильзы. Но и это ни к чему не привело.

Пробовали придавать каркасу самые причудливые изгибы — результат тот же: гильзы застревали.

Было обидно, что сдача пулемета задерживалась из-за такого пустякового препятствия.

Признаюсь, этот мешок не давал мне покоя ни днем, ни ночью. Я измучился с ним, даже прихворнул.

Однажды вечером сыновья — Александр и Владимир — застали меня в кино.

— Надо, папа, тебе немного отдохнуть и развлечься, а то совсем заболеешь!

Не помню, какая была картина, но очень хорошо запомнил киножурнал: соревнование лыжников и техника бега лучших мастеров лыжного спорта. Движения их были показаны в замедленном темпе и давали ясное представление о каждом приеме.

— Как называется этот замедленный показ в кино? — спросил я сыновей, когда мы возвращались домой.

- Ускоренной съемкой, папа.
- А нельзя ли было бы этой съемкой заснять полет гильз?
- Можно, папа! — сказал Александр.
- Определенно можно! — подтвердил и Владимир.

Вернувшись домой, я позвонил в Москву и попросил приехать к нам кинооператора.

Оператор приехал и заснял пулемет в работе. А через несколько дней я увидел на экране поразительное зрелище — замедленный полет гильз.

Тайна полета гильз была разгадана. Мы придали мешку нужный изгиб, и гильзы в него стали падать беспрепятственно.

Видоизмененный пехотный пулемет был принят на вооружение сталинской авиации.

Не покладая рук

Об успешном применении пехотного пулемета в авиации было доложено правительству, и мы получили новое задание — приспособить пехотный пулемет для вооружения танков.

К тому времени в нашей мастерской работали высококвалифицированные инженеры, старые оружейные мастера и способная молодежь, которая порой выполняла очень ответственные и сложные работы.

Новое задание требовало подробного ознакомления с устройством разного типа танков. Установить в танке пехотный пулемет было не легко, но мы решили эту работу поручить молодому работнику Шпагину. Шпагин работал у нас слесарем. К нам он попал из деревни. Образования и навыков не имел, но работал старательно. Я считал его способным парнем, верил, что из него может выйти толк.

Перед Шпагиным была поставлена задача: сделать шаровую установку для пулемета, чтоб он мог стрелять под любым углом, а также, в целях удобства и экономии места, приспособить выдвигной приклад.

Шпагин и раньше работал над конструированием шаровой установки. В свое время он предложил отличную своеобразную установку для автомата В. Г. Федорова.

Он взялся за работу с увлечением, часто приходил советоваться или приглашал меня посмотреть, как идет дело. А дело шло хорошо. Почти все предложения Шпагина по упрощению шаровой установки мы с Федоровым одобряли. За очень ко-

роткое время Шпагину удалось создать надежную и простую по конструкции шаровую установку, во всех отношениях превосходившую ранее известную шаровую установку Иванова. Удалось ему сделать и выдвигной приклад.

Поставленная перед нами задача была решена. Пехотный пулемет был принят на вооружение всех типов советских танков.

В 1929 году меня пригласили на большие маневры Красной Армии. Для меня было чрезвычайно важно наблюдать за оружием в действии — в обстановке, приближенной к боевой. Я мог воочию увидеть все недостатки в своих системах.

Беседуя с бойцами и командирами, я записывал в блокнот их советы и пожелания.

После маневров меня пригласили к Клименту Ефремовичу Ворошилову.

Климент Ефремович интересовался нашей работой, расспрашивал о моих планах и замыслах. В беседе он подчеркнул все возрастающее значение танков и авиации и поставил передо мной задачу: создать крупнокалиберный пулемет.

Я заверил Климента Ефремовича о том, что такой пулемет будет создан в самое ближайшее время.

Задание товарища Ворошилова инженеры и мастера нашего коллектива встретили восторженно, с чувством огромнейшей ответственности и сознания важности новой работы, к которой приступили, не медля ни одного дня.

Новый пулемет я решил сконструировать по образцу пехотного, а так как теперь требовалось создать крупнокалиберный пулемет, то при его конструировании приходилось заменять деталь за деталью. Постепенно у нас получалась совершенно новая модель.

Это нас и радовало и тревожило. Нельзя было механически увеличивать все детали до нужного калибра. Последовали новые расчеты, в которых приняли участие все.

Когда новый пулемет был собран и доставлен для испытания в тир, мы волновались так, словно впервые сделали модель пулемета. Наше волнение было понятно: до сих пор ни мне, ни моим товарищам по работе не приходилось конструировать крупнокалиберное оружие, и мы боялись неудачи, боялись осрамиться перед товарищем Ворошиловым.

Однако опасения наши оказались напрасными. Крупнокалиберный пулемет испытания выдержал.

В Москве испытания нового пулемета проходили при личном участии Климента Ефремовича Ворошилова. Испытывали на

меткость и на живучесть, затем на бронейбойность. Стреляли по стальным щитам с разных дистанций и под углом.

Климент Ефремович сам сделал несколько выстрелов по щитам. Он остался очень доволен новым пулеметом.

Пулемет в тот день прошел сложные испытания и был принят без всяких доделок. Обрадованный такой удачей и личной благодарностью товарища Ворошилова, я тотчас же телеграфировал товарищам по работе. Моя телеграмма вызвала великую радость,—это была победа всего нашего коллектива.

Задание вождя

В январе 1940 года мне исполнилось шестьдесят лет. Я встал, как всегда, рано и стал собираться на работу.

Утро было тихое, морозное. Окна сверху донизу затянуло синеватым узором.

Побрившись и умывшись, я включил радио и вышел в столовую, где жена хлопотала с завтраком.

Она поздравила меня с днем рождения, и мы уселись за стол. По радио передавались утренние последние известия.

Вдруг голос диктора заставил нас насторожиться:

— Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении конструктора Дегтярева...

Мы в растерянности взглянули друг на друга.

А диктор отчетливо и громко продолжал:

«За выдающиеся успехи в деле изобретения и конструирования новых, особо важных образцов вооружения Красной Армии присвоить товарищу Василию Алексеичу Дегтяреву звание Героя Социалистического Труда с вручением высшей награды СССР, ордена Ленина, и выдать денежную премию в размере пятидесяти тысяч рублей».

Я оторопел от счастья.

— За что мне такая высокая честь? — спрашивал я себя и жену, все еще не веря тому, что услышал.

«Неужели это правда, не послышалось ли нам?» Телефонный звонок вывел меня из состояния растерянности. Дрожащими руками я снял трубку и услышал радостный голос секретаря партийной организации:

— Поздравляю вас, Василий Алексеич, от души, от всего сердца!

Я с трудом дослушал его слова. Сомнения рассеялись, сердце ждалось от радости. Слезы неудержимо катились из глаз.

Я не знал, за что приняться: писать ли правительству благодарственное письмо, идти ли на работу или отвечать на бесконечные поздравления друзей, родственников, знакомых и даже совсем неизвестных мне людей.

Вошла жена с новой телеграммой.

«В день вашего шестидесятилетия, — читала она, — желаю вам счастья, постоянного здоровья, многих лет жизни и дальнейшей творческой деятельности на благо нашей родины.

Ворошилов».

Несколько раз перечитав телеграмму, я спрятал ее в карман и заторопился на работу.

Вечером в огромном городском клубе рабочие и инженеры нашей мастерской, представители городских партийных и общественных организаций устроили мне настоящий юбилей. Я был очень смущен этим чествованием и мечтал лишь о том, чтобы меня поскорей отпустили домой.

Вдруг директор клуба подбежал к столу президиума:

— Василий Алексеевич, вас срочно к телефону вызывает Москва, лично товарищ Сталин.

Я поднялся и поспешил к телефону.

Когда, счастливый и сияющий, я снова вышел на сцену, меня оглушили аплодисменты.

Уже все знали, что мне звонил и со мной говорил товарищ Сталин. Каждого это глубоко взволновало.

Меня попросили на трибуну и потребовали, чтоб я слово в слово передал, что сказал товарищ Сталин.

А когда узнали, что товарищ Сталин поздравил меня с высокой наградой и попросил приехать к нему, в зале с новой силой загремели аплодисменты, раздались восторженные крики:

— Да здравствует товарищ Сталин!

— Привет великому Сталину!

Наконец зал успокоился, и торжественное собрание возобновилось. Я сидел в президиуме и был в центре внимания и в то же время как бы отсутствовал. Я был поглощен мыслями о предстоящей встрече с товарищем Сталиным.

Неужели осуществится моя давнишняя мечта? Неужели мне доведется увидеть товарища Сталина, поговорить с ним, пожать его руку?..

Вечером следующего дня я возвращался из Кремля. Все мысли мои, все силы моей души теперь были сосредоточены на одном: на задании товарища Сталина. Нужно было увеличить емкость магазина в сконструированном мною пулемете-пистолете. И сделать это нужно было срочно, спешно, немедленно. На Карельском перешейке шли ожесточенные бои с белофиннами, был дорог каждый час.

Я дал слово товарищу Сталину, что новый магазин для пулемета-пистолета будет готов через семь дней, и теперь я думал над тем, как бы еще сократить этот срок.

Приехали домой ночью. Не дожидаясь утра, собрались.

Очень кратко, экономя каждую минуту, я доложил о задании товарища Сталина и призвал коллектив к напряженной работе. Все без лишних слов взялись досрочно выполнить задание вождя.

Я не ушел домой. От меня зависела работа других. Я должен был продумать и с помощью инженеров рассчитать новую конструкцию. Мысль о ее создании у меня созрела еще дорогой, теперь ее следовало воплотить в чертежи и металл. Началась горячая работа. Такая работа, когда забываешь о доме, о семье, об еде, даже о сне и весь отдаешься труду, уходишь в него, живешь в нем.

От сознания, что мы выполняем личное задание товарища Сталина, люди преобразились и работали самозабвенно. Они были подтянуты, строги, сосредоточены. Они вкладывали в труд все свои знания, волю, любовь. Что бы они ни делали — обтачивали ли деталь, подгоняли ли допуски, — чувствовалось, что они работают с душой и с полной ответственностью за порученное им дело. Глядя на них, нельзя было сомневаться в успехе.

И действительно, не прошло и пяти дней, как новый магазин пулемета-пистолета был опробован и показал отличные результаты.

Эти дни я запомнил на всю жизнь.

Доброе, улыбающееся лицо товарища Сталина, его мудрые слова, его скупые, выразительные жесты... Нет, этого нельзя забыть!

И после того, как было выполнено задание, я часто рассказывал товарищам по работе о своей встрече с вождем. Меня слушали, затаив дыхание. После этих рассказов пожилые люди работали так, словно помолодели на десять лет, а молодые — словно приобрели опыт и мудрость пожилых. Все мы гордились вниманием и заботой товарища Сталина и тем, что сумели выполнить досрочно его важное задание.

Я вступаю в партию

В 1940 году трудящиеся нашего избирательного округа избрали меня депутатом в Верховный Совет СССР.

В предвыборную кампанию мне случилось побывать во многих городах, селах и деревнях округа. Я встречался с рабочими и инженерно-техническими работниками заводов и фабрик, я был гостем у колхозников, студентов, красноармейцев. Конечно, я знал о великом преобразовании страны, но до этих поездок, поглощенный конструкторской работой, не представлял себе масштабов этих преобразований. И вдруг в бывших заштатных уездных городках передо мной возникли новые, оснащенные самой современной техникой заводы, величественные дворцы культуры и рабочие клубы, светлые, просторные больницы, красивые здания детских садов, огромные строгие здания институтов, техникумов, школ. Города оделись в сады. Исчезла грязь, на главных улицах появился асфальт. Я смотрел на все это, как зачарованный.

А какие перемены в деревне! В селах появились клубы, избы-читальни, хаты-лаборатории. В домах колхозников заговорили радио, засветились лампочки Ильича. Огромные необозримые поля покрыты тучными хлебами. Тракторы, комбайны, лобогрейки, машины, новейшие умные машины вытеснили примитивные соху и борону.

Но еще бóльшие перемены я увидел в людях, в колхозниках, которые водили теперь тракторы и комбайны, управляли автомашинами, работали в хатах-лабораториях, на электростанциях и в МТС. В тех самых колхозниках, которые учились на курсах, писали в газетах, выращивали двухсотпудовые урожаи.

«Кто же так преобразил нашу страну и наш народ?» — спрашивал я себя и отвечал: «Партия! Да, великая партия большевиков и ее вожди Ленин и Сталин!»

С гордостью я подумал о том, что в эти годы и сам, хотя не был коммунистом, активно участвовал в великом преобразовании своей страны, осуществленном партией.

«А почему я не был коммунистом?» — спрашивал я себя, и мне становилось неловко, словно во время боя я был не на переднем крае, а во втором эшелоне. Это было тем более обидно, что в душе я чувствовал себя большевиком, вернее, я был непартийным большевиком.

С таким же вопросом обратился ко мне однажды мой зять, Иван Андреевич Зеленев.

— Годы не те: уж мне перевалило за шестьдесят, — ответил я.

— Это не причина, есть у нас коммунисты постарше.

В разговор вмешался и старший сын, Александр:

— Верно, папа, жалуются на тебя. Как-то вечером мне один мастер встретился. «Откуда?» — спрашиваю. «С партсобраний, — говорит. — Один важный вопрос решали. Твой отец вот так нужен был, а его и не было».

— Так ведь я же беспартийный!

— О том и речь! — и сын вздохнул. — Знаешь, папа, я давно хотел поговорить с тобой: нехорошо получается: ты и Герой, и лауреат, и депутат Верховного Совета, а беспартийный. Ведь тебя же в пример ставят! «Равняйтесь по Дегтяреву!» А Дегтярев беспартийный!

— Верно, неудобно получается, папаша! — поддержал зять.

Однажды ко мне в кабинет зашел мой товарищ Михаил Андреевич Кошанов:

— Слышал, Василий Алексеевич, вы надумали в партию вступить?

— Мечтаю, да вот не знаю, у кого рекомендацию просить, — сказал я и посмотрел на него. — Вы бы дали мне рекомендацию, Михаил Андреевич?

— Хорошо, дам, ведь знаю вас много лет. Да мне кажется, вам любой коммунист нашего коллектива с радостью напишет рекомендацию.

Увидев проходившего мимо коммуниста Мешкова, он крикнул:

— Борис, зайди сюда, дело есть!

Тот быстро зашел, поздоровался.

— Ты можешь дать рекомендацию в партию Василию Алексеевичу? — спросил Кошанов.

Тот вопросительно посмотрел на меня, словно спрашивал глазами: правда ли это? Я сказал, что действительно хочу вступить в партию. Мешков горячо пожал мне руку и обещал, что обязательно напишет рекомендацию. Ободренный поддержкой товарищей, я написал заявление о приеме меня в партию.

Вскоре меня вызвали на партийное бюро. Я волновался. Я понимал всю важность происшедшего.

Но как только было зачитано мое заявление, раздались дружные аплодисменты. Товарищи один за другим подходили

ко мне и поздравляли с принятием в кандидаты Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

Этот день мне запомнился навсегда, как один из самых значительных в моей жизни.

Враг не пройдет!

Мы, советские конструкторы, все время думали о предстоящей войне. Как никто, мы чувствовали подготовку капиталистических стран и больше всего гитлеровской Германии к новой мировой войне. Мы следили за работой иностранных конструкторов. Между нами, советскими конструкторами, и изобретателями Запада все время шел негласный поединок. Мы не хотели войны, но знали, что рано или поздно наша страна будет ввергнута в жестокую битву, как бы она этому ни противилась. И мы работали, не покладая рук.

По первым же сводкам Совинформбюро мы поняли, что главной ударной силой немецко-фашистских войск были танки. Чтобы остановить врага, надо было остановить его танки, остановить страшные бронированные армады.

Это могли сделать противотанковые пушки, но их было мало, а наладить массовое производство пушек было нелегко. Значит, нужно было немедленно изобрести другое, более легкое для производства, дешевое и эффективное оружие.

Я закрылся в своем кабинете и стал обдумывать, чем мы, конструкторы, можем помочь доблестной Советской Армии. Мои мысли прервал приход начальника мастерской, который сообщил, что нам поручено срочно сконструировать противотанковое ружье.

— Противотанковое ружье— вот что нам нужно!— воскликнул я, восхищенный.

— Это— задание товарища Сталина,— сказал начальник мастерской.— Не только вам, а всему нашему коллективу.

Вместе с инженером Бугровым мы составили план работ по конструированию противотанкового ружья.

Из музея мастерской были извлечены различные системы ружей, винтовок, винчестеров, карабинов, даже пулеметов. Анализируя эти системы, конструкторы создавали свои варианты, пытались построить оригинальную и эффективную конструкцию.

Я ходил по кабинету и думал. Перебирал в памяти десятки, сотни различных вариантов. Взглянул на часы. Было два ча-

са ночи. Но я знал, что конструкторы еще работают, и направился к ним.

— Товарищи, я, кажется, кое-что придумал!— и рассказал им о пришедшей мне мысли.

По моему наброску инженеры быстро сделали чертеж; тут же была изготовлена маленькая модель.

Получив модель, я стал просматривать все детали, советуясь и совещаюсь с другими конструкторами.

Наконец все части ружья были продуманы и воплощены в чертежи. Теперь все зависело от нашей мастерской: насколько хорошо и быстро она сумеет изготовить детали.

А в мастерской положение было тяжелое. Многие знающие мастера ушли на фронт, их станки пустовали.

Сводки Совинформбюро с каждым днем становились тревожней. По ночам над нашим городом кружили вражеские самолеты.

Наш коллектив конструкторов проявил подлинный трудовой героизм: многие из конструкторов стали к станкам.

Детали тут же испытывались и собирались. Это позволило почти за три недели сделать два образца созданного нами ружья.

Теперь волновало главное—боевые качества ружья. Его отправили на испытательную станцию и произвели пристрелку. В ружье было еще много недоделок, но молнией пролетела весть, что ружье нового образца пробивает мощную броню.

Все для фронта!

Когда противотанковое ружье было окончательно отрегулировано, его отправили в Кремль. Туда же несколькими днями позже вызвали и меня.

На большом столе, вокруг которого собрались члены правительства, рядом с моим ружьем лежало противотанковое ружье Симонова. Симонов начинал свою творческую работу в нашей опытной мастерской, и я очень обрадовался его успехам.

Ружье Симонова оказалось тяжелее моего — это было его недостатком. Но оно имело и серьезные преимущества перед моим. Оба ружья показали хорошие боевые качества и были приняты на вооружение Советской Армии.

Мне пришлось побывать на нескольких заводах, изготавлиющих оружие моей конструкции. В эти дни грозной опасности советские люди совершали поистине героические подви-

ги. На заводы пришли женщины и подростки, они стали у станков и выполняли тяжелую мужскую работу.

Глядя на юных девушек, я вспоминал свое отрочество, работу на «шарманке». Разве можно сравнить полуграмотного, забитого мальчишку, умеющего лишь нажимать рычаг примитивного механизма, с этими девушками, овладевшими сложными и точнейшими машинами, выполняющими работу высококвалифицированных мастеров и делающими эту работу не ради куска хлеба, а из чувства самого высокого патриотизма?

Изменилось все. Исчезли грязные, закопченные цехи с примитивными станками, приводимыми в движение трансмиссиями от парового маховика. Их сменили высокие, светлые, просторные корпуса с новейшими станками, с отдельными электрическими приводами и точнейшими инструментами. А как изменились рабочие! С какой любовью относятся они к своему труду, как гордятся они своей работой, как бережно относятся к механизмам, стараясь заставить работать их с максимальной нагрузкой!

Изменились и отношения между людьми. Все стремления рабочих сосредоточены на одной цели — как можно больше сделать для фронта. Я видел великие перемены в технике, в работе, в сознании и характере людей и гордился, что все эти перемены были осуществлены партией большевиков, членом которой я готовился стать в эти грозные дни.

За истекший год я основательно изучил «Краткий курс истории партии». Мне кажется, что ни одной книги я не читал с таким волнением и интересом. Многие страницы я перечитывал по несколько раз. Передо мною по-новому вставали общественные события, войны и революции, свидетелем которых я был. Все это я переживал как бы вторично, но, постигнув законы общественного развития, познавал эти события по-новому, оценивал их с большевистских позиций. Передо мною во весь рост вставали два титана, два вождя и организатора большевистской партии — Ленин и Сталин — и проделанная ими поистине гигантская работа, приведшая нашу страну к социализму.

Это было в самые тяжелые дни для нашей Отчизны. Враг смыкал кованые челюсти вокруг Москвы. Но люди не ведали страха, честно, мужественно и смело выполняли свой долг.

Я был глубоко счастлив, когда общее собрание коммунистов дружно утвердило мой прием в члены родной большевистской партии.

Мы еще не знали, как наши противотанковые ружья покажут себя в бою. А вдруг в боевых условиях в ружьях обнаружатся дефекты, которых нельзя было заметить на полигонных испытаниях? Этот вопрос волновал меня, и я вместе с инженером Н. А. Бугровым отправился на фронт, на Можайское направление.

Ехали мы на машине. И чем ближе продвигались к Москве, тем затруднительней становилось движение: шоссе было буквально забито различным транспортом. Мы ехали по обочине дороги и проселками, встречая толпы людей, вооруженных лопатами и кирками,—это население городов и деревень, все, от мала до велика, шли на рытье противотанковых рвов.

На фронте мы узнали, что наше ружье работает исправно и бронебойщики довольны им.

Дав воинам несколько практических советов, как лучше обращаться с противотанковым ружьем, и пожелав им успехов в боях, мы распростились с фронтовиками.

А дома нас ждала следующая телеграмма:

«На нашем участке фронта противник ведет непрерывные контратаки большими силами танков. Воины нашего соединения в этих боях за последние 10 дней подбили до 200 танков. Около половины из них подбито бронебойщиками, вооруженными противотанковыми ружьями вашей конструкции. Редакция армейской газеты хозяйства Черняховского убедительно просит вас по телеграфу передать статью на тему «Советы бронебойщикам»: как наиболее эффективно использовать в бою противотанковое ружье. Заранее благодарю. С тов. приветом редактор газеты «Армейская правда». Авдюхин».

Я немедленно откликнулся на эту телеграмму, написав «Пять советов бронебойщикам». Эти советы были перепечатаны во многих фронтовых газетах.

Наши творческие успехи были отмечены правительством. Я получил много поздравительных писем, но больше других меня порадовало письмо моего товарища по работе, награжденного одновременно со мною, старейшего конструктора-оружейника, Героя Социалистического Труда Н. В. Токарева:

«Дорогой Василий Алексеевич! Сердечно вам благодарен за поздравление меня с высокой правительственной наградой. В свою очередь спешу поздравить и вас с награждением орденом «Трудового Красного Знамени». Получить поздравление от вас, Василий Алексеевич, мне особенно дорого, так как я помню вас еще со времени Ораниенбаумской школы и Сестро-

рецкого завода, на заре рождения русского автоматического оружия. А я тогда был еще совсем мальчишкой. От души желаю, Василий Алексеевич, вам доброго здоровья на многие, многие годы, жить, создавая совершеннейшие образцы оружия во славу нашей великой Родины, во славу нашей непобедимой Красной Армии, с которой мы, вооруженны, так тесно связаны. Пусть эта высокая награда правительственная вдохновит нас на новые работы к достижению скорейшей победы над врагом. Пусть озверелый фашизм на своей собачьей шкуре еще больше почувствует силу советского оружия. Крепко, крепко жму вашу руку. Н. Токарев. 17 июня 1942 г.»

Письма друзей и фронтовиков бодрили нас, наполняли новыми силами, заставляли еще напряженней и самоотверженней работать, вооружать нашу армию грозным, непобедимым оружием.

Творцы боевого оружия

Я всегда гордился тем, что наша мастерская была своего рода школой, воспитавшей и вырастившей целую плеяду талантливых советских конструкторов.

Еще в 1918 году пришел к нам из деревни молодой паренек Сергей Симонов. Он работал слесарем. Симонов с первых же дней проявил живой интерес к нашему делу—это заметили Федоров и я. Какую бы работу ни поручали ему, он выполнял ее добросовестно и прилежно и очень скоро стал первоклассным оружейным мастером. Изучив принципы автоматки, он не раз изумлял нас своими рационализаторскими предложениями и изобретательскими способностями.

Примерно с 1926 года Симонов начал пробовать свои силы в изобретательстве. Он работал над моделью ручного пулемета, а затем автоматической винтовки.

В 1933 году сделанная им винтовка успешно выдержала испытания на Всесоюзном конкурсе, и Симонова взяли на один из заводов для организации серийного производства оружия его образца.

Позднее Симонов упорно работал над созданием противотанкового ружья. По личному указанию товарища Сталина Симонову, переведенному в другой город, создали отличные условия для творческой работы. Талант изобретателя из рабочих здесь проявился во всю силу: Симонов создал противотанковое ружье, блестяще выдержавшее испытания.

За это изобретение конструктору Сергею Гавриловичу Симонову, бывшему слесарю нашей опытной мастерской, правительство присвоило звание лауреата Сталинской премии.

В 1920 году, только что демобилизовавшись по болезни из Красной Армии, пришел к нам в мастерскую худенький, невысокий паренек по фамилии Шпагин. В армии Шпагин работал в полковой оружейной мастерской и имел кое-какие навыки в слесарной работе.

Мы сделали ему пробу. Знаний больших в оружейном деле он не обнаружил, но зато показал редкую сообразительность. Живой, любознательный, горячий, Шпагин оказался очень расторопным малым, быстро освоился и начал работать.

Первую же работу, которую ему поручили, — сборку магазина автомата Федорова — он усовершенствовал, предложив меньшее количество заклепок, но расположив их так, что прочность не уменьшалась.

Мы дивились, с какой легкостью он постигал сложные премудрости автоматики. Не прошло и года, как ему разрешили работать на станках и стали давать для обучения людей.

Но первое, в чем Шпагин блеснул своими изобретательскими способностями, было усовершенствование шаровой установки конструктора Иванова для автомата Федорова. Нам казалось, что Шпагин уберет из нее до 20 деталей. Но Шпагин превзошел наши ожидания. Он убрал из установки 42 детали и в корне изменил всю систему и шаровой установки и гнездового устройства.

Позднее эта установка была им улучшена и с успехом применена в танках как станок для моего пулемета.

Эта работа поставила Шпагина в ряды наших лучших мастеров, и я охотно доверил ему совершенствование оружия моих систем. Он успешно сконструировал приемник с лентой для моего пулемета и наконец модернизировал и улучшил мой крупнокалиберный пулемет, который и стал называться ДШК (Дегтярев-Шпагин крупнокалиберный).

Когда наш коллектив получил задание от товарища Сталина создать пистолет-пулемет, Шпагин параллельно со мною начал конструировать свою систему.

Он поставил перед собой задачу сконструировать автомат, который был бы предельно прост в производстве и позволял бы быстро наладить массовое производство. Ему удалось создать такую модель.

Шпагину было поручено изготовление партии опытных образцов, и он уехал на завод для самостоятельной работы.

В марте 1941 года мы с гордостью узнали, что наш питомец Г. С. Шпагин за свое замечательное изобретение был удостоен Сталинской премии. В 1945 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Спустя два года Георгий Семенович был избран в депутаты Верховного Совета РСФСР. Шпагин не теряет связи с коллективом, который его вырастил. Мы получаем от него регулярно письма и телеграммы.

Вот одна из них, присланная по поводу награждения меня орденом Суворова:

«Дорогой Василий Алексеевич, искренно поздравляю Вас с высокой правительственной наградой — орденом Суворова первой степени. Пусть Ваш благородный труд и впредь служит святому делу укрепления военной мощи нашей родины. Желаю Вам здоровья на многие годы.

Ваш ученик Шпагин».

Чрезвычайно ценный вклад в вооружение советских войск внес безвременно умерший высокоодаренный конструктор Горюнов.

Он был не молод, с нами проработал лет пятнадцать, слыл изумительным мастером, но никогда не проявлял себя ни как изобретатель, ни как конструктор.

И вдруг однажды чуть свет Горюнов является ко мне с большим свертком. Это было летом 1942 года.

— Василий Алексеевич, посмотрите на модель моего пулемета. Много раз собирался к вам, да все как-то стыдился.

Я осмотрел модель Горюнова и, признаюсь, не поверил своим глазам. Модель была задумана с учетом новейших достижений оружейной автоматике.

— Когда же ты это сделал, Максимыч? — спросил я.

— Задумал давно, а модель собрал в последнее время, когда прослышал, что перед нами поставлена задача создать новый станковый пулемет.

Модель, сделанная из дерева, жести и картона, была выполнена смело и оригинально.

Я пригласил Горюнова к себе, предложив ему подобрать пару надежных помощников.

В тот же день он явился, приведя своего племянника Михаила Горюнова и слесаря Воронкова.

— Прибыл с помощниками!—отрапортовал он.

— Очень хорошо!—сказал я.—Будете сами делать свою машину. Выделяю вам в помощь конструктора и буду помогать сам.

— А где мы будем работать?—спросил Горюнов.

— Для вас уже отведены место и станки.

Я проводил их в мастерскую и пояснил, как и с чего лучше начинать, посоветовал приступить к изготовлению модели в металле, тщательно проверяя взаимодействие и прочность деталей в процессе их изготовления.

Перед Горюновым была поставлена трудная задача, поэтому я сам и другие специалисты нашей мастерской неустанно следили за его работой, оказывая ему повседневную помощь.

В эти суровые дни мы меньше всего думали о личной славе. Все наши мысли и стремления были направлены на то, чтобы как можно больше сделать для фронта. Нашей заповедью были святые слова: «Все для фронта, все для победы!»

Может быть, именно эта дружная, целеустремленная работа коллектива, руководимого партийной организацией, и позволила нам в предельно короткие сроки изготовить модель Горюнова.

Пулемет был послан на испытание и получил высокую оценку, но комиссия забраковала станок. А медлить было нельзя. Наша армия начинала большое наступление, пулемет Горюнова нужен был немедленно.

Горюнов не дождался радостного дня, когда созданный им пулемет стал грозным оружием в умелых руках советских воинов. Но правительству высоко оценило наш коллективный труд. Обоим Горюновым, Воронкову и мне за создание пулемета нового типа была присуждена Сталинская премия.

Но самой большой наградой для нас было сознание, что созданное нами оружие помогало доблестным советским воинам громить орды немецко-фашистских захватчиков.

За успехами советских конструкторов, вышедших из нашей мастерской, за их ростом неустанно следили партия, правительство и лично товарищ Сталин.

Товарищ Сталин принимал непосредственное участие в организации работ и моих, и Симонова, и Шпагина.

В 1942 году, когда Симонов работал в очень тяжелых условиях, однажды ночью ему позвонил товарищ Сталин, распро-

сил о нуждах конструктора, ободрил его теплым, ласковым словом и обещал, что для его работы срочно будут созданы хорошие условия. Так и было.

Именно благодаря неустанной заботе партии и лично товарища Сталина рядовые слесари из нашей мастерской сумели вырасти в конструкторов и создать замечательные образцы автоматического оружия, сыгравшего немаловажную роль в разгроме немецких захватчиков.

Подарки народа

Каждый человек, занимающийся творческой работой, испытывает большую радость, когда его творчество находит применение, приносит пользу народу и вызывает его одобрение.

Я счастлив тем, что всю жизнь связан с народом. Выйдя из недр трудового народа, я ему посвятил свою работу, свою жизнь. Поэтому мне особенно дорого внимание людей, дороги их забота, доверие и любовь.

Ни в одной стране в мире нет и не может быть такой тесной связи конструкторов с народом, как в Советской стране. Ибо у нас конструкторы творят для народа, и народ помогает им в творческой работе. Лично я получал множество писем от фронтовиков, рабочих, ученых, которые давали мне практические советы, просили изобрести или усовершенствовать то или иное оружие, и я очень благодарен им за эти советы.

Меня до глубины души трогали письма и телеграммы советских людей, которые искренно радовались моим творческим успехам, словно это были их собственные. Это свидетельствует о большой любви советских людей к изобретателям.

Любовь эта проявлялась не только в трогательных письмах и телеграммах, но и в подарках, которые присылали зачастую совершенно незнакомые люди. Наряду с дорогими реликвиями — наградами советского правительства — я свято храню и подарки, посланные мне малознакомыми мне людьми.

Дома, в небольшой светлой комнате, где я люблю иногда отдохнуть, рядом с фотографией автомашины, подаренной мне Климентом Ефремовичем Ворошиловым, стоит небольшая скульптурная группа — подарок инвалида В. В. Веденского. На ней изящно вырезаны из дерева мой бюст на постаменте из четырех колонок, а с боков слева — фигура женщины с ребенком, а справа — красноармеец с автоматом. Почти два года,

больной, прикованный к дому, товарищ Веденский создавал эту скульптуру.

Вот хрустальный жбан с изумительной резьбой; на нем выгравирован мой портрет—это подарок мастеров глубокой грани Гусь-Хрустального завода.

Рядом со жбаном стоит красивый фарфоровый бокал. По сцене кобальтовому полю золотой орнамент, а в центре мое изображение. Этот бокал прислали в подарок рабочие, мастера и художники Дулевского фарфорового завода.

У шкафа, в углу, тяжелые ящики в футлярах. Это звуковая киноустановка. Иногда в воскресные вечера мы смотрим кино дома. На киноаппарате никелированная пластинка с надписью: «Герою Социалистического Труда В. А. Дегтяреву от работников кинофикации».

Вот трофейное оружие, посланное в подарок фронтовиками: «парабеллум», «маузер» и «зауэр».

На «маузере» следующие слова: «От летчика-испытателя майора Кладова».

«Зауэр» безымянный, но, помню, его преподнесли мне в честь вступления наших войск в Восточную Пруссию два офицера, приехавшие к нам с фронта.

А вот уже совсем трогательный подарок—диванная подушка, вышитая крестом детскими ручонками.

Сбоку робкие, неустойчивые дорогие буквы: «Дедушке Дегтяреву от детей детсада № 8».

Среди подарков много фотографий с теплыми, трогательными надписями. Из них хочется отметить портрет дорогого мне человека—учителя и друга В. Г. Федорова. Он сфотографирован в старой инженерской фуражке. На портрете дата—1931 год (в этом году В. Г. Федоров переехал в Москву на новую работу)—и надпись:

«Дорогому Василию Алексеевичу Дегтяреву на долгую память о совместной службе и работе в течение почти всей жизни от преданного В. Г. Федорова».

Среди подарков, присланных мне фронтовиками, настольные часы, вставленные в массивную ореховую оправу. Эти часы были присланы мне со следующим письмом:

«Дорогой Василий Алексеевич!

Разрешите Вам лично в знак памяти о завоевании нами Восточной Пруссии преподнести настольные часы с надписью:

«Депутату Верховного Совета СССР, Герою Социалистического Труда, доктору технических наук, генерал-майору артил-

лерийско-технической службы В. А. Дегтяреву в память Отечественной войны.

1. III. 1945 г.».

Просим данную монограмму написать на металлической планке и привинтить к часам, у нас нет художника.

Дорогой Василий Алексеевич!

Прошу принять наш подарок. Пусть эти часы в Вашем кабинете прозвучат в час победы над фашизмом, в час окончательного разгрома немецкой армии, час победы социализма над нацизмом. Да будет так!»

В этих подарках я вижу признание моего более чем полувекowego труда, отданного на службу своему народу.

Мечты о будущем

Когда отгремели залпы войны, мне удалось больше времени уделить своим депутатским делам, вернуться к осуществлению тех мирных дел, от которых оторвала нас война.

Я побывал в совхозе, который носит мое имя.

Еще до войны руководители совхоза обратились ко мне с просьбой помочь им достать семена и саженцы для закладки фруктового сада. Сам страстный любитель садоводства, я немедленно откликнулся на их просьбу и стал хлопотать о саженцах. Хотя нам и помешала война, сад все же был заложен. За годы войны он окреп и разросся благодаря неустанной заботе о нем садовода и начальника участка Л. М. Мозуркевича.

Помимо садоводства и опытов агронома Кирилла Митрофановича Анисимова по выращиванию прекрасных крымских арбузов и дынь порадовало меня успешно развивающееся животноводство в совхозе.

Сокровенной моей мечтой было благоустройство ставшего мне родным города. Еще до войны по моей просьбе правительство выделило городу около трех миллионов рублей. Тогда была асфальтирована главная улица и посажено много деревьев. Война и тут помешала. Однако теперь город благоустраивается. Вокруг многоэтажных зданий появились газоны и скверы, прокладываются асфальтированные дорожки и ставятся красивые чугунные решетки. Мне хочется превратить свой город в цветущий сад. И это, несомненно, будет сделано.

Я мечтаю о том, чтоб в нашем городе были построены новый вокзал и механический техникум, где бы росли кадры

оружейников и конструкторов, которым бы мы, старые мастера, передавали свой трудовой опыт.

Я верю, что все это будет сделано в ближайшие годы. О своем городе заботятся все его жители: в письмах мои избиратели сообщают о завершении новых строек, о посадке зеленых насаждений и о многом другом.

Занимаясь общественными делами, я и после войны продолжал с не меньшим напряжением свою основную работу.

Империалисты Америки и Англии продолжают бряцать оружием. Воины ждут от нас новой боевой техники. Вот что писал мне через год после окончания войны генерал Василенко:

«Мы хорошо понимаем, что созданное Вами оружие, с которым мы шли в бой, и неутомимый труд советских людей дали возможность Красной Армии разгромить врага.

Мы знаем, что наша Родина не гарантирована от опасности нового нападения агрессоров, и от души желаем Вам дальнейшего совершенствования боевого оружия для Красной Армии и создания новых боевых образцов для защиты нашего советского государства».

Мы не забываем об этом, дорогой товарищ Василенко! Все наши люди продолжают самоотверженно трудиться.

В прошлом году общественность нашего города отметила 30-летие моей творческой работы. Я получил много поздравительных телеграмм и теплых писем.

Эти поздравления и высокая оценка моих скромных трудов вдохновили меня, престарелого человека, на новые творческие дерзания.

Наш гениальный полководец Иосиф Виссарионович Сталин сказал бессмертные слова о мужестве нашего народа, приравняв доблестный труд советских людей в тылу к боевым подвигам фронтовиков. Эти слова наполнили гордостью и мое сердце, ибо я трудились в их рядах.

Теперь, когда величайшая из битв становится историей, я перечитываю письма фронтовиков — живые материалы героической эпопеи. Они подтверждают, что мы трудились не зря, что оружие, созданное нами, сыграло немалую роль в великой победе.

Вот что писал мне казах-пулеметчик Айтен Жунусов:

«...На мою огневую позицию шло 30 гитлеровцев, но я знал, что ваш пулемет не подведет, и, подпустив их на близкую дистанцию, всех расстрелял в упор...»

Или: «Я воевал с вашим пулеметом полтора года, — сообщал гвардии рядовой Василий Ефимов, — дошел с ним от Днепра до Одера, и он мне ни разу не отказал».

Однажды, будучи в Москве, я посетил выставку трофейного вооружения и там воочию увидел следы действия нашего оружия на поверженной технике врага.

Огромные «тигры» и «пантеры» были насквозь прошиты бронебойными пулями из наших противотанковых ружей.

Осмотрев разбитую технику врага, я вспомнил про жестокий поединок, который происходил многие годы между советскими конструкторами и изобретателями гитлеровской Германии, и не без гордости подумал, что в этом поединке мы победили, как победили наши воины на фронте.

И сейчас, когда американские и английские империалисты потрясают атомными бомбами, наши конструкторы продолжают спокойно работать. Мы работаем не ради наживы или страха. Нами движет святое чувство любви к Родине, к своему народу, к великой партии большевиков, которая открыла дорогу к творчеству и счастью.

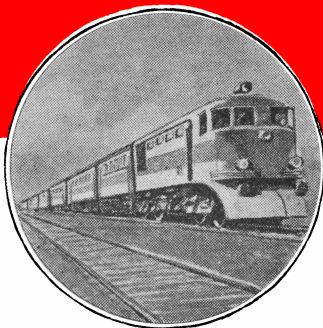
Ни в одной стране мира не созданы такие условия для расцвета изобретательства и конструирования, как у нас, в Советской стране. И нигде не ценится так высоко труд конструктора, как у нас.

Разве я, изобретатель из народа, малограмотный мастерской, мог бы в капиталистической стране стать признанным конструктором, заслуженным человеком? Никогда! Там бы я был раздавлен, как десятки тысяч других талантов, или в лучшем случае за гроши куплен каким-нибудь предпринимателем. Только советская власть вывела меня, как и многих других изобретателей из рабочих, на широкую дорогу творчества. И за это от души кланяюсь родной большевистской партии и великому вождю и другу всех трудящихся товарищу Сталину, чей гений вдохновлял и всегда будет вдохновлять наших людей на воинские подвиги и трудовую доблесть.

Тяжелая болезнь оторвала меня от любимой работы; остались незавершенными многие начатые дела. Но я твердо уверен, что молодые советские конструкторы, воспитанные в нашей мастерской, завершат мою работу и сделают много ценных изобретений. С ними вся мощь советской науки, с ними направляющая рука коммунистической партии, с ними любовь и признание народа, из недр которого они вышли и для блага которого они творят.

Цена 1 руб.

**ГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ЗАЙМЫ
СПОСОБСТВУЮТ
ВОССТАНОВЛЕНИЮ
И РАЗВИТИЮ
НАРОДНОГО
ХОЗЯЙСТВА СССР.**

**ПРИБРЕТАЙТЕ ОБЛИГАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
3% ВНУТРЕННЕГО
ВЫИГРЫШНОГО ЗАЙМА**

**ЕЖЕГОДНО ПО ЗАЙМУ ПРОИЗВОДИТСЯ
шесть основных тиражей выигрышей — 30 января, 30 марта,
30 мая, 30 июля, 30 сентября и 30 ноября; один дополнительный
тираж выигрышей — 30 сентября каждого года.**

Выигрыши от 400 до 100.000 рублей

ОБЛИГАЦИИ ПРОДАЮТСЯ И ПОКУПАЮТСЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫМИ КАССАМИ